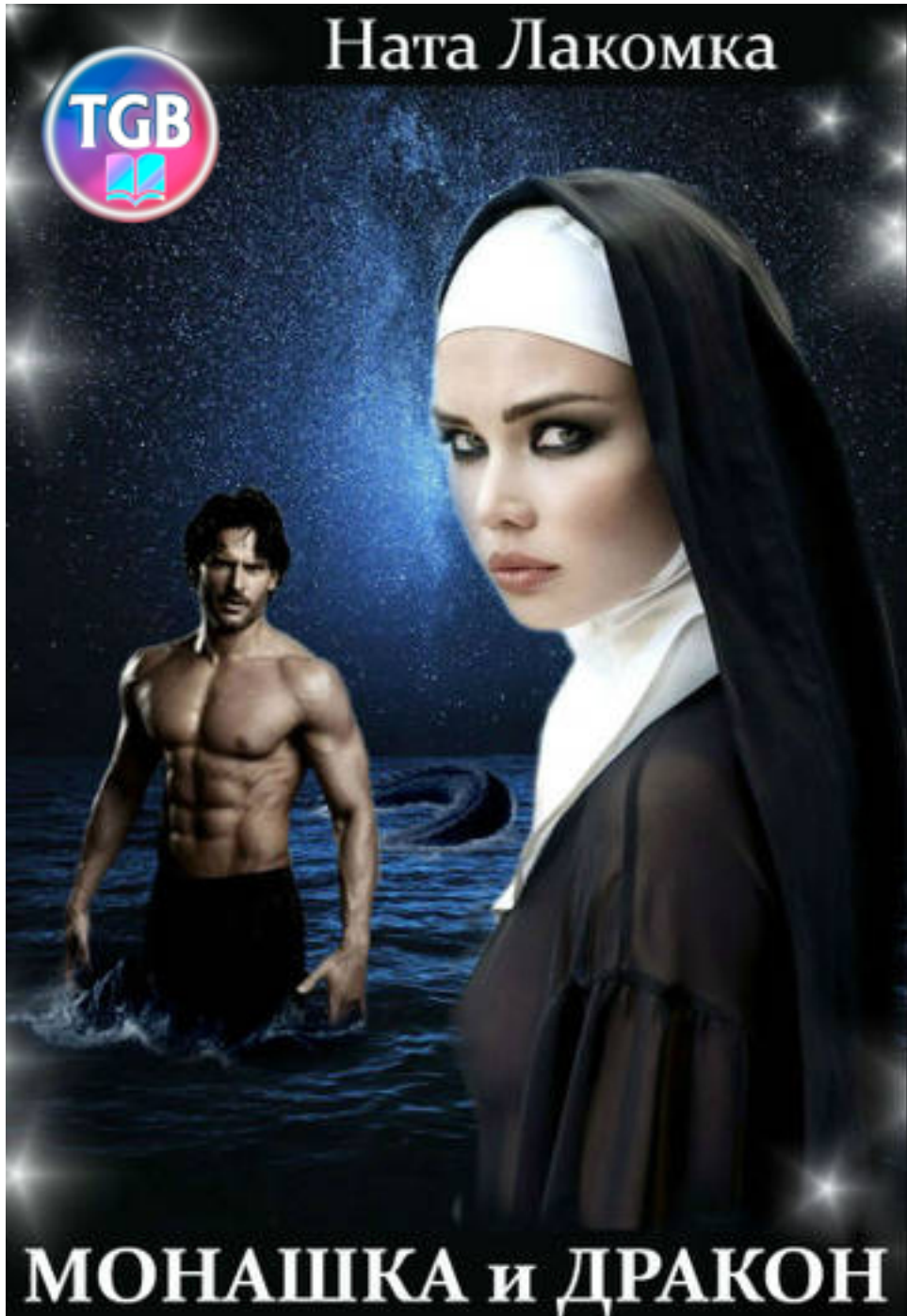

Ната Лакомка

МОНАШКА и ДРАКОН

Ната Лакомка

Монашка и дракон

«Топ Груп Бук»

2020

Лакомка Н.

Монашка и дракон / Н. Лакомка — «Топ Груп Бук», 2020

Он забрал меня, потому что ему стало скучно. Он захотел меня в качестве развлечения, потому что игра – единственное, что будоражит ему кровь. Он – захватчик, иноплеменник, дракон. А я – всего лишь воспитанница монастыря, но и у меня есть свои тайны, а поэтому играть мы будем по моим правилам.

Содержание

Глава 1. Обыкновенный дракон	5
Глава 2. Развлечение от скуки	10
Глава 3. Бегство и кольцо	13
Глава 4. Замок, который построила Мелюзина	16
Глава 5. Замок и змеи	19
Глава 6. Третья конкубина	23
Глава 7. Драконов пир	26
Глава 8. В логове дракона	31
Глава 9. Содержание и переплет	34
Глава 10. Сказка на ночь	37
Глава 11. О душе, сердце и сокровищах	40
Глава 12. Крик в темноте	44
Глава 13. Разделить трапезу с драконом	48
Глава 14. Подарок, прихоть и свобода	54
Глава 15. Легенда о Мелюзине	58
Глава 16. За плечом дракона	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ната Лакомка

Монашка и дракон

Глава 1. Обыкновенный дракон

– Какой он? – спросила я, когда мы уже шли по коридору, встречать маркграфа.

– Обыкновенный дракон, – ответила мать-настоятельница.

Я усмехнулась. Обыкновенный дракон! Как вам это нравится! А есть еще и необыкновенные драконы?

– Слышу, – тут же ответила мать-настоятельница. – Неправильно выразилась. Он – обычный дракон.

Она шла впереди меня, не оглядываясь, но я все равно состроила покаянную гримаску. Я ни разу не видела драконов, и понятия не имела, как они обычно выглядят.

– Веди себя перед ним прилично, Виенн, – сказала вдруг мать-настоятельница, и тут я обиделась.

– Что значит: прилично? Матушка Беатриса, разве я когда-то вела себя неприлично?

– В том смысле, что попридержи нрав, – посоветовала она и больше никаких разъяснений не давала.

Милорд Гидеон, маркграф де Венатур, был драконом. Они все были драконами – король, герцог Палладио, герцог Мاستини. После того, как они захватили власть в Салезии, драконов объявили высшими существами, и из чудовищ ночи они превратились в светочи народа.

Политика нас не касалась – в монастыре думают о небесах, а не о милости королей, но маркграф щедро жертвовал на нужды церкви и решил посетить наш монастырь. С подарками, разумеется. Матушка настоятельница за три дня до его приезда отправила всех сестер убирать двор и церковь, а сегодня, когда ожидалось появление «светоча», все были на ногах еще до рассвета.

Мне до поздней ночи пришлось гладить куколь матушки Беатриса, поэтому на утренней службе я украдкой зевала в кулак, но когда доложили, что караван маркграфа уже появился из-за поворота, сон сняло, как рукой.

Теперь мы торопились приветствовать дракона у ворот, и я сторала от нетерпения, не зная, что мне предстоит увидеть. Все-таки, три года в монастыре – это очень, очень скучно. И если бы не книги, я зачахла в этом унылом месте через два месяца. А тут такое развлечение!

Нас собрали во дворе, ворота распахнули настежь, и настоятельнице передали душистое масло в плоской чашке и серебряный кубок со святой водой. Мать Беатриса торопливо прошептала над ними молитву. Похоже, она тоже волновалась.

Я стояла за ее правым плечом, одетая, как и остальные сестры, в коричневое балахонистое платье, перетянутое вместо пояса веревкой. На голове у меня был белый платок, глухо закрывающий волосы, и коричневое покрывало. Меня невозможно было отличить от остальных, кроме как...

Лошадиные копыта зацокали по мосту, раздалась звонкие переливы рога, а потом в наш двор вошли знаменосцы, державшие штандарты маркграфа – черный дракон на зеленом полотнище. Мы поклонились, но я позволила себе взглянуть из-за локтя настоятельницы – чтобы не пропустить появление «обыкновенного» дракона.

Его я узнала сразу – он ехал на вороном коне, одетый в черный камзол, расшитый серебром, и в зеленый плащ, который спускался до самых лошадиных бабок. Одну руку дракон упер в бок, и его поза, и само выражение лица – снисходительное, самодовольное, грозное – показывали, кто хозяин на наших землях. Ощущение силы, опасности исходило от него. И даже

возможность встретиться с ним взглядом вдруг повергла в ужас. Я поспешно опустила голову и поняла, какими безумными были наши люди, раз собирались победить драконов.

Но выглядел он вполне по-человечьи – смуглый, черноволосый, черноглазый. Он был очень широк в плечах и, наверное, высок ростом, но пока сидел в седле – рост не определишь.

«Нет на земле подобного ему, – вспомнила я слова священного Писания, – он сотворён бесстрашным; на всё высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости».¹ И маркграф, в самом деле, был таким.

– Рады приветствовать вас, милорд, – настоятельница шагнула вперед, протягивая дракону серебряный кубок, и я, по привычке, шагнула следом.

Никто не решился меня удержать, но сама я пожалела, что привлекла внимание. Люди из свиты маркграфа тут же посмотрели на меня, повернув головы, как один.

Опустив глаза, я еще раз поклонилась, а мать-настоятельница продолжала:

– Испейте святой воды, помажьте чело благоуханным миром, милорд Гидеон, да благословят нашу встречу небеса!

– Рад видеть тебя, матушка Беатриса, – сказал дракон. – Давай сюда свою воду.

Я осмелилась поднять глаза и увидела, как дракон одним махом опорожнил кубок со святой водой, а потом макнул палец в масло и помазал себе лоб – небрежно, и так же небрежно принял благословение.

– Признаться, мои люди подустали в пути, – сказал он, спрыгивая с коня и бросая поводья подбежавшему слуге. – Нам бы поесть и отдохнуть, а потом посмотреть, что я привез.

– Ваша щедрость всегда была благом для нашего монастыря, – сказала мать-настоятельница и вскинула указательный палец.

Это был знак для меня, и я сказала нараспев:

– Благотворящий бедному дает займы небесам, и они воздадут за благодеяние его. Притчи, глава девятнадцатая, стих семнадцатый.

Я словно кожей ощутила быстрый и острый взгляд черных глаз, но мать настоятельница загородила меня от дракона:

– А теперь пройдемте к столу, чтобы вы подкрепили душу и сердце.

– Пройдемте, – сказал дракон и пошел первым.

В монастыре он вел себя, как дома.

Я знала, что он часто приезжал к настоятельнице, когда еще шла война, но после того, как последние мятежники против драконов были изгнаны, ни разу не появлялся в монастыре святой Пучины. Что же случилось, если он решил снова посетить это место? Паломничество? Я верила в набожность драконов так же, как в зеленых кошек.

Их было около двадцати – маркграф с младшим братом, тоже драконовой крови, пара слуг и рыцари. Рыцари были людьми, но для меня они были еще хуже захватчиков – предатели. Все предатели.

Мы расположились в большом зале для молитвы, где сейчас накрыли стол. Трапезная была слишком мала и слишком убога, чтобы угощать там важных гостей. Столы накрыли скатертями, которые ссудили на время в ближайшей деревне, и хотя угощение было постным, настоятельница закупила лучшие овощи, орехи, а мед был наш, собственный, с монастырской пасеки.

Гости ели с удовольствием, хотя младший брат маркграфа пожаловался на отсутствие мясных блюд. Я посматривала на него с не меньшим интересом, чем на старшего брата. Младший был ростом пониже, но такой же крепкий. Братья были очень похожи, но глядя на младшего я не испытывала такого панического ужаса, который охватил меня в рядом с маркграфом.

---

¹ Книга Иова, 40:26

Судя по тому, что с младшим братом рыцари заговаривали вольготнее, ужас перед милордом Гидеоном испытывала не только я.

– Доехали хорошо, – рассказывал маркграф настоятельнице, – и погода прямо как для нас. Осень, давно бы дожди ударили, так нет – сухо и тепло. Не иначе, твоими молитвами? – он хохотнул.

– На все воля небес, – ответила мать-настоятельница. – Но мы и правда молились о вашем благополучном путешествии, ибо... – она вскинула указательный палец.

– Молитва – одно из крыл, что несет нас через огненное море, – сказала я. – Книга откровения, глава четырнадцатая, стих двенадцатый.

Тут можно было бы и остановиться, но что-то словно подтолкнуло меня, и я проговорила без заминки:

– Одно крыло – молитва, а второе крыло – смирение перед волей небес и теми, кого небеса ставят охранять стадо свое. А кому недостает смирения – тот птица однокрылая, и лететь не может. Глава четырнадцатая, стих пятнадцатый.

Плечо матери-настоятельницы дернулось, что было знаком раздражения. Но сказанного не воротишь.

– Это кто там пищит из-за вашей спины, матушка? – дракон отчего-то заговорил с настоятельницей уважительнее, и я приписала это себе в заслуги.

И в самом деле, его «тыканье» было оскорбительным. Так мне показалось, даже если мать-настоятельница предпочла этого не заметить.

– Это сестра Виенн, – сказала она сдержанно, и по голосу я поняла, что настоятельница недовольна.

Интересно – чем? Моим самовольством или грубостью дракона?

– Она оскорбила тебя? – вскинулся младший брат, через стол зло посмотрев в мою сторону.

Мне не дали места, и я стояла за креслом настоятельницы. Спинка была достаточно высокой, чтобы я могла спрятаться за ним с макушкой, если пригнусь. Но сейчас мне совсем не хотелось прятаться. Гости должны понять, что они – всего лишь гости.

– Нет, не оскорбила, – дракон жестом остановил младшего брата и повернулся к матери-настоятельнице, привычно уперев кулак в бок. – Не обращайтесь внимания на Дилана – он горяч не в меру. Но вы-то его знаете, матушка. А вот ваш «цитатник» я впервые вижу и слышу. Откуда такое чудо?

«Цитатник»! Я вспыхнула от негодования. До сих пор я считала почетным следовать за настоятельницей и цитировать Писание, но в устах дракона это стало чем-то чуть ли не неприличным.

– Сестра Виенн всего лишь три года в монастыре, – чинно пояснила мать Беатриса. – У нее хорошая память и она прочла много книг.

– Я вижу, что память хорошая! – расхохотался дракон. – А еще и язычок злой, как посмотрю. Упрекнула меня, значит, что я – птица однокрылая? Вроде как летать не могу?

Да ведь он – дракон. Значит, летать для него – привычное дело.

– Что молчишь? – спросил маркграф, пытаясь рассмотреть меня за спинкой кресла.

– По уставу монастыря сестры могут говорить только с моего разрешения, – пояснила настоятельница.

– Так дайте ей разрешение, – нетерпеливо потребовал дракон. – Она говорит забавные вещи, пусть меня развлечет.

– Сестры изучают Писание не для забав, – строго одернула его настоятельница, – ибо...

– Истины небесные – не развлечение для ума, а средство для его воспитания, – тут же отозвалась я, когда сухой палец матери Беатрисы взметнулся вверх. И снова, словно кто-то заставил меня говорить больше, чем следовало. – А кто ищет в божественных тайнах развле-

чений – тот неразумец и глупец, и дом его – геенна огненная. Книга откровения, глава вторая, двадцать шестой.

– Сестра Виенн, – посчитала нужным сделать мне внушение мать-настоятельница.

– Что вы, матушка, я ничуть не обиделся, – заверил ее дракон. – Наоборот, все так для меня познавательно. Сам-то я не осилил и двадцати стихов из священной книги, а тут меня просвещают лучше, чем каноник на проповеди в седмицу.

Он явно ждал, чтобы я ответила, но я хранила молчание. Осторожно выглянув из-за кресла, я встретила взглядом с драконом. Черные глаза смотрели весело – похоже, он и в самом деле не рассердился. Но не зашла ли я слишком далеко?

– Покажись, – велел дракон, но я отрицательно помотала головой. – Пусть покажется, матушка? – обратился он к настоятельнице. – Надо же мне оценить, в хороший ли переплет обернули такие знания.

Настоятельница была недовольна, но спорить не стала.

– Выйди, Виенн, – велела она, и я сделала шаг в сторону.

Теперь мы с драконом находились на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Он сидел в кресле развязно – развалившись и широко расставив ноги. И смотрел на меня с живым любопытством. Неужели, я и правда так удивила его? Как он сказал – развлекла?

У дракона был длинный нос с хищными ноздрями, немного кривоватый, как после перелома. Густые прямые брови, твердый подбородок с ямочкой, и четко очерченные губы – как будто вырезанные стамеской на дереве. Сейчас эти губы кривились в усмешке.

– Переплет – так себе, – сказал дракон и засмеялся. Зубы у него были белые, яркие, особенно яркие по сравнению с загорелым лицом. – Странная монашка...

Переплет «так себе»! Подобные слова задели бы любую. Я не стала исключением. Что бы ни происходило, женщине всегда обидно встретить пренебрежение своей внешностью. Боюсь, в тот момент я посмотрела на дракона достаточно зло, и он это заметил. Черные глаза загорелись, и от этого я разозлилась еще больше.

– Нельзя оценивать книги по переплету, – сказала я, нарушив правила монастыря не говорить без разрешения наставницы. – Потому что и в ветхом переплете может скрываться божественная мудрость, а кожа с тиснением, украшенная... рубинами, – тут я многозначительно посмотрела на кольцо с рубином, надетое на руку дракона, – скрывать непотребные сказки, которые надлежит читать лишь в тавернах, пьяницам. Святой Томас из Аквивианы, письмо к королю Родерику, абзац девятый.

– А! Вы слышали? – восхитился дракон, оборачиваясь к ближним. – Дилан, ты что-нибудь знаешь про Томаса из Аквивианы?

– Кто это? – подхватил его брат. – Какой-нибудь лорд, трусливо сбежавший за границу?

– Это святой, мудрость которого жива уже триста лет, – ответила я бесстрашно, не обращая внимания, что настоятельница дергает меня за край рукава, приказывая замолчать. – А что останется после вас хотя бы через пятьдесят лет?

Над столом повисла гробовая тишина. Дилан де Венатур медленно поднялся, кладя ладонь на рукоять кинжала, лежавшего на столе – младший брат только что разрезал им хлеб.

– Сестра Виенн хотела сказать... – вмешалась наставница, и голос ее дрожал.

– Подождите, матушка, – остановил ее маркграф тем же небрежным жестом, что и раньше – своего брата. – Сестра Виенн и сама нам прекрасно пояснит, что хотела сказать. Язычок у нее движется достаточно проворно. Пока.

Я смотрела ему прямо в глаза – черные, как ночное беззвездное небо, и понимала, что ввязалась в слишком опасную игру. Надо ли продолжать? И не поздно ли уже отступить?

– Ты замолчала? Растратила вдруг все свое красноречие? – спросил дракон вкрадчиво.

Тянуть дальше было просто нельзя, и я заговорила:

– Простите, господин. Я спрашиваю себя, достаточно ли вы прославили свое имя, чтобы о вас сохранилась добрая память? Ведь если вы накажете ничтожную монашку за то, что она цитировала вам святое Писание – это не сделает вам чести и может перечеркнуть все ваши прежние подвиги. Да и король посчитает, что вы обошлись очень сурово. Ведь именно указом короля монастыри и их обитатели получили статус неприкосновенности перед светскими лицами. Вы же не хотите, чтобы вспоминая ваше имя, люди говорили: а, это тот, что нарушив закон короля, воевал с монашкой из монастыря святой Пучины?..

– Нахалка! – выдохнул Дилан де Венатур и сделал шаг вперед, но его брат вдруг расхохотался.

Да как расхохотался! До слез, повалившись на подлокотник.

Я снова спряталась за спинку кресла, а матушка-настоятельница пребольно ущипнула меня за руку.

– Простите ее, милорд, – сказала она дракону, когда тот отсмеялся и сделал глоток вина из предложенного бокала. – Она слишком молода и горяча, как и ваш младший брат...

– Она молода и горяча, вы правы, матушка, – согласился дракон. – А еще остра на язык и знает королевские законы. Не только цитатник Писания, но и свод законов. Целая библиотека – и все в маленькой женской голове. Хороша ваша Виенн, мне нравится. Я забираю ее.

Глава 2. Развлечение от скуки

– Как это – забираете? – изумилась мать-настоятельница. – Вы шутите, милорд?

– Ничуть, – заверил ее маркграф. – Я хочу ее, она будет меня развлекать. А раз я ее хочу, что меня может остановить?

Дилан рассмеялся, падая в кресло и возвращаясь к трапезе.

– Милорд! – ахнула мать Беатриса. – Что я от вас слышу?!

– Да не беспокойтесь вы, матушка, – маркграф вытянул шею, пытаясь рассмотреть меня. – Жен мне и так хватает, а вот цитатника нет. Вам же он ни к чему – всем известно, что вы прекрасно знаете священное Писание. А?

Младший брат опять обидно засмеялся. Я не видела лица настоятельницы, но прекрасно почувствовала ее гнев. Выучить Писание наизусть – труд еще тот. Это мне все дается легко, а некоторые и после десяти лет в монастыре читают службу по книге.

Сердце мое бешено стучало, и я вцепилась в спинку кресла, чтобы не упасть. Права была мать Беатриса, советуя не высовываться. Зачем надо было умничать и дергать дракона за хвост?

– Вы не можете забрать Виенн, – теперь голос настоятельницы дрожал уже заметно для всех. – Монастыри под защитой короля. Он не позволит, чтобы вы забрали и обесчестили монахиню...

– Я и не собираюсь обесчещивать монахинь, – успокоил ее маркграф. – Иначе про меня так и будут говорить потомки: это тот, который обесчестил монахиню!

Его люди захохотали, оценив шутку, а мне было вовсе не смешно. Как и матери-настоятельнице.

– Король не позволит, – сказала она уже тверже, и я мысленно поблагодарила ее.

– Ваша Виенн – не монахиня, – сказал дракон и хмыкнул. – У нее накрашены глаза.

Я невольно прижала ладони к лицу, закрывая глаза. Жженая пробка. За три года в монастыре я так и не отвыкла от этой привычки – подводить глаза, как и расчесывать волосы каждое утро. Сначала на меня ругались, но потом смирились. Ведь я и в самом деле не была монахиней.

– Девушка еще не приняла постриг, – нехотя согласилась мать Беатриса, – но она готовит себя к божественному служению...

– Но еще не приняла. Значит, никаких нарушений закона не будет, – дракон подпер голову рукой, посмотрев искоса. – Да бросьте упираться, матушка. С учетом того, что она – действительно, девушка, сколько вы за нее хотите?

– Сколько хочу?! – настоятельница всплеснула руками. – Да за кого вы меня принимаете, милорд? Это дом молитвы, а не...

– Скажем, сто золотых? – предложил маркграф. – Я собирался посетить еще и монастырь Святого Сердца, но вполне могу развернуться и отправиться домой. Без ста золотых, но с малюткой Виенн.

– Милорд!

– Мой брат не любит просить дважды, – заметил Дилан, ковыряя вилок в острых белых зубах. – Второй раз он требует, а на третий берет. Ловите момент, матушка, иначе заберет ее даром, и вы останетесь ни с чем.

– Двести, – сказал маркграф.

– Я очень к ней привязана, – сказала настоятельница деловито, и сердце мое сжалось.

Я уже знала этот тон – так мать Беатриса обсуждала стоимость повозок с дровами и сушеной рыбой. Неужели... неужели... Для меня небо и земля поменялись местами, а эти двое продолжали торговаться, будто я не стояла в шаге от них.

– Двести пятьдесят – окончательная цена, – дракон пристукнул ладонью по столу.

– Святому сердцу вы хотели пожертвовать сто золотых, – напомнила настоятельница, – и хотите забрать мое сердце всего за двести пятьдесят?

– Во сколько вы оцениваете свое сердце? Назовите цену?

– Пятьсот, – спокойно ответила мать-настоятельница.

– Похоже, ты покупаешь принцессу, а не монашку, – подначил брата Дилан.

– Да как вы можете! – я обрела, наконец, дар речи. – Я не принадлежу монастырю! А вы, милорд, – я смело посмотрела в драконьи глаза, – не можете меня купить! Я – свободная женщина, и по Правде короля Рихарда...

– Тебя может продать только король, – закончил фразу дракон. – Но припомни-ка последний пункт в этом параграфе? Сможешь?

– Если свободный, полусвободный или благородный, – начала я текст наизусть, – попросит помощи в монастыре, и помощь будет предоставлена, то король над ним не властен, а властен... – я замолчала.

– Ну? – с удовольствием спросил дракон. – Мне продолжить? «А властен только настоятель или настоятельница, и лишь они распоряжаются его судьбой, платят виру за проступок или предадут светскому суду». Так что и тут мы не преступим закон.

– Зачем я вам? – спросила я тихо.

Меня услышали только дракон и его брат, потому что в зале было шумно – люди маркграфа со смехом и жаром обсуждали торги и стучали ложками и бокалами.

– Считаю, что ты имела неосторожность мне понравиться, – сказал Гидеон де Венатур, плотоядно улыбаясь. – Как золотая монета. Ты же знаешь, что драконы притягивают золото? Оно их греет. Будоражит кровь.

– Тогда оставьте себе эти пятьсот золотых и грейтесь ими! – я сжала кулаки, сожалея, что я не мужчина и не могу отомстить обидчику рыцарским поединком.

– Хм... – дракон соединил кончики пальцев, лениво посматривая на меня из-под ресниц. – Дело в том, что меня греет нечто иное...

– Кровь девственниц! – хохотнул его брат, и рыцари дружно поддержали.

Я вздрогнула, услышав это, и дракон от души рассмеялся:

– Нет, брат шутит. Девственницы меня не слишком привлекают – с ними слишком много возни.

– Милорд! – соизволила напомнить о себе настоятельница, подавшись вперед. Лицо её пошло красными пятнами, а монахини в зале старательно отворачивались, будто ничего и не происходило, а их больше всего интересовали трещины на стенах. Все это я отмечала краем сознания, в то время, как мысли метались, в поисках выхода из ловушки.

– Прошу прощения, матушка, – извинился дракон без капли раскаяния в голосе и обратился ко мне: – Меня греет нечто другое – игра. Только игра будоражит кровь. Охота, карты...

– Милорд! – снова воскликнула мать Беатриса.

– ...флирт, турниры, – продолжал маркграф, не обращая на нее внимания, – все это забавно, но уже приелось. А в этой деве я вижу новое развлечение – свежее, то, чего еще не было. Говорящая книга – что может быть интереснее?

– Но я не книга, а человек, – попыталась вразумить его я. – Вы не можете купить меня...

– Женщина считает, что она – человек! – выкрикнул Дилан, и слова были встречены хохотом.

– Вы находитесь в святом месте, – сказала настоятельница, не особенно надеясь, что ее услышат.

Но дракон тут же вскинул руку, и его люди замолчали.

– Как вы себя ведете, разбойники? – сказал он, и я уловила иронию в его словах. – Помните, где находитесь. Тихо, – и он приложил палец к губам, не отводя от меня черных насмешливых глаз. – Я тебя уже купил, Виенн. За пятьсот. Согласны, матушка?

– Матушка? – спросила я, чувствуя, как слезы подступают к горлу.

Если бы она сейчас ответила «нет», я бы бросилась на колени перед этой старухой и облобызала ей туфли в знак благодарности.

– Я согласна, – ответила настоятельница глухо.

– Дело сделано, – обрадовался дракон. – Собирайся, Виенн. Теперь ты моя.

Глава 3. Бегство и кольцо

В тот момент мне казалось, что нет никого отвратительнее драконов. Когда же наступит время, когда ангел небесный уничтожит их племя и, как написано в Писании, накормит их мясом всех верных, а из шкур сделает шатер? Но до этого времени, скорее всего, было еще далеко, потому что молнии не засверкали, и ангелы не появились, и драконы не упали замертво, а продолжали потягивать вино.

Повернувшись на каблуках, я вышла из зала. Собственности маркграфа незачем было больше служить цитатником у настоятельницы.

«Собирайся, Виенн».

Вспоминая голос дракона, я готова была выть от бессильной злости. Я злилась и на маркграфа, и на мать-настоятельницу, и... на отца с братом. Второй раз пережить предательство – это слишком. Избавились, как от разбитой посуды, бросили, продали...

Собирайся, Виенн.

Как будто мне было, что собирать. Оказавшись в своей келье, я достала из-под кровати сундучок – там хранилось платье, в котором я пришла в монастырь. Простое, коричневого цвета – цвета честной бедности. Я выменяла его у вилланки, когда сбежала из замка. И оно сослужило мне хорошую службу. Так же, как и серый домотканый платок.

Поспешно переодевшись, я повязала голову платком, спрятав волосы. Тогда было глупо бежать в платье из шелка, а теперь глупо бежать в монашеской хламиде. В пояском кошельке у меня хранилось всего лишь два медяка – несколько дней назад я продавала петрушку с монастырского подворья и не успела отдать выручку в общую кубышку. Ничего, из-за пятисот золотых никто не вспомнит о двух медяках, а небеса не слишком обидятся, что я лишила их такой скромной жертвы.

Сундучок я решила оставить – он привлек бы ко мне внимание, встретить я кого-нибудь в монастыре, и это решение оказалось верным, потому что почти сразу я столкнулась с сестрой Летицией.

– Куда это ты, Виенн? – спросила она.

– Пойду в часовню, помолиться перед отъездом, – ответила я, набожно сложив руки.

Сестра Летиция воровато оглянулась и спросила, понизив голос:

– Так это правда, что говорят сестры? – она даже облизнулась, ожидая услышать новости.

Я вспомнила, что ее не было в трапезном зале, когда мать Беатриса продала меня.

– Правда, что господин маркграф купил тебя в конкубины?!²

– Пойду, помолюсь, – сказала я, делая попытку уйти.

– Боже, Виенн! Это такой ужас! – зашептала она, преграждая мне путь. – Его слуги болтают, что у него уже десять конкубин! А ему все мало! Вот так аппетиты у господ драконов! Мне так жаль, – в порыве сочувствия она схватила меня за руку, но я вырвалась и быстро пошла по коридору.

– Помолись, помолись! – напутствовала меня вслед сестра Летиция. – Тут самое время молиться, Виенн! Я тоже буду молиться за тебя!

Я пересекла монастырский двор, но в часовню не пошла.

Благодаря гостям, ворота не были заперты – люди маркграфа должны были разбить палатки снаружи, и только маркграфу и его брату разрешалось переночевать в келье, под крышей монастыря. Уже стемнело, и это было мне на руку. Проскользнув в ворота, я сразу пробежала вдоль левой стены, чтобы меня не заметили мужчины, расставлявшие палатки справа от

---

² Конкубина – женщина для сожительства, без заключения брака, без обязательств, без признания детей законнорожденными

ворот. Меня никто не заметил, и я углубилась в лес, считая каштаны, которые росли от стены до ручья. У седьмого я опустилась на колени и подняла камни, сложенные пирамидкой у корней. Здесь три года назад я спрятала свое сокровище – последнюю драгоценность, которую смогла спасти из отцовского замка. Разрыв землю, я достала медную плоскую шкатулку размером с ладонь. В ней глухо стукнуло, и я даже не стала проверять – и так ясно, что кольцо на месте. Поднявшись, я поспешно засунула шкатулку за пазуху, сделала два шага и остановилась, как вкопанная.

Передо мной стоял маркграф Гидеон. Скрестил на груди руки и смотрел с усмешкой. Он был один, но от этого легче не стало.

«Вот и попалась», – подумала я обреченно.

И в самом деле, наивно было думать, что я убегу от дракона. Говорили, что они умеют читать человеческие мысли. Может, и правда умеют? Или он просто догадался, что я не собираюсь подчиняться его сделке с матерью-настоятельница?

– Убежать решила? – спросил он и требовательно протянул руку: – Покажи, что прячешь.

Я не посмела ослушаться и протянула ему шкатулку. Маркграф открыл, достал и повертел в пальцах кольцо.

– Настоящий изумруд? Как интересно, – он бросил кольцо обратно, закрыл крышку и вернул шкатулку мне. – Значит, решила убежать. Да, Виенн? – он обошел меня кругом, пока я прятала шкатулку – на сей раз в поясной карман. – Я показался тебе страшным? Опасным?

– Да, – выдавила я, чувствуя себя примерно так же, как если бы он вздумал опутывать меня стальными цепями. Каждый круг, что он обходил вокруг меня, становился все меньше и меньше, и на третьем дракон уже стоял ко мне вплотную, дыша в затылок.

– А ты всегда убегаешь? – спросил он. – Не можешь встретить опасность лицом к лицу? Как пристало бы дочке благородного человека?

Каким непостижимым образом он узнал об этом? О моем постыдном бегстве из родового замка? Неужели, это та самая магия драконов – и они в самом деле умеют читать мысли? Но имел ли он право осуждать меня?

– Вы не знаете, кто мой отец, – сказала я, внутренне задрожав. Вдруг он рассмотрел герб, вырезанный на камне? И вдруг в его памяти остались события шестилетней давности?

– Ты права, не знаю, – сказал дракон, положив мне руку сзади на шею. – Драконы не читают мысли, что бы там ни придумывали глупые люди. Но я не дурак, могу разглядеть благородную кровь даже в монашеских тряпках. И еще могу почувствовать страх. А сейчас ты боишься, – он приблизил губы к самому моему уху и заговорил почти шепотом. – Только не меня, чего-то другого. Боишься, что отберу твоё кольцо?

– Да, – тут же отозвалась я. – Это все, что осталось у меня от прежней жизни. Пожалуйста, не забирайте. У вас достаточно драгоценных и красивых вещей.

– И еще одна побрякушка мне ни к чему, успокойся, – сказал он.

Пальцы его поползли по моей шее – вверх и вниз, медленно, чуть сдавливая и опять отпускавая.

– Значит, решила бежать? Лишь бы не достаться злобному дракону?

– Я свободная женщина, и не желаю, чтобы меня продавали и покупали, как рабыню.

– Свободная? – он мягко развернул меня, и рука его переместилась с моей шеи на подбородок – поглаживая, чуть-чуть не касаясь губ.

Я снова задрожала, всей кожей ощущая его близость и прикосновения. Опасный, страшный, подавляющий одним взглядом – он мог сделать со мной в этом лесу все, что пожелал, и никто бы не заступился.

– Посмотри-ка мне в глаза, – сказал дракон, заставляя поднять голову. – Какие яркие. Зеленые. Как два изумруда.

– Здесь темно, вы не можете рассмотреть, что они зеленые, – возразила я.

Луна и в самом деле спряталась, и даже звезд сегодня не было на небосклоне, хотя день простоял безоблачным. Я видела лицо дракона белым пятном с черными провалами глаз. От него пахло вином и медом – наверное, он закусывал сладкими ореховыми пастилками, которые мы готовили на меду.

– Поверь, я вижу не только их цвет, – он усмехнулся и приблизил свое лицо к моему. – Еще я вижу в них море – непокорное, великолепное. Мне нравится море.

«Надежда тщетна, – совсем не вовремя вспомнила я слова из Писания, где говорилось о древних драконах, некогда многочисленных и населявших землю от края до края, вознамерившихся погубить весь человеческий род, – надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? Когда он поднимается – и силачи в страхе, совсем теряются от ужаса».³

– Я всего лишь человеческая женщина, – сказала я, и голос мой дрогнул вовсе неприятно. Я и в самом деле готова была упасть тут же – замертво, от страха. – И я отчаянно боюсь драконов. Оставьте меня в монастыре, зачем я вам?

– Уже говорил тебе. Для развлечения, – сказал маркграф. – Мне скучно, а ты смогла меня развлечь. Считаю, пока ты меня развлекаешь – ты жива.

– А если наскучу?

– Тогда придется тебя съесть, – сказал он с усмешкой. – Идем, Виенн. Сейчас хлынет дождь, у моего цитатника могут отсыреть страницы.

---

³ Книга Иова, 40:20

Глава 4. Замок, который построила Мелюзина

– Поверить не могу, что ты пыталась сбежать, Виенн! – распекала меня мать-настоятельница той же ночью в моей келье.

– Поверить не могу, что вы продали меня ему, как вещь! – вспыхнула я. Слезы, что я сдерживала до этого времени, сейчас так и брызнули.

– Я не продала, – ответила мать Беатриса.

– Вы меня отдали ему и получили пятьсот золотых! Если это называется – «не продала», то я – Святой Папа!

– Не богохульствуй! – топнула она на меня. – Пятьсот золотых – это для наших бедных сестер, я должна была подумать и о них. А тебя бы он все равно забрал, раз так захотел. И в этом ты сама виновата – вот к чему приводит кокетство, – она указала на мои накрашенные глаза. – Веди ты себя поскромнее, не кичись так своим умом, всем бы и обошлось. Гордыня твой враг, а не я.

– Вы жестокая, – сказала я, смахивая слезы. – Когда я здесь появилась, вы обещали, что не дадите меня в обиду, и милостиво приняли два золотых браслета, что я пожертвовала монастырю. Быстро же вы забыли эти браслеты! Сразу же, как получили пятьсот золотых!

– Живой осел лучше дохлого льва,⁴ – сказала она резко.

– О! Вспомнили святое Писание! – делано восхитилась я. – И правда, вам цитатник ни к чему, как и сказал господин дракон!

– Довольно, Виенн, – приказала мне настоятельница. – Ты столько прожила у нас, прочла столько монастырских книг, но так и не научилась главному – смирению. Подумай, не в этом ли промысел небес, что у тебя будет шанс наставить на путь спасения дракона?

– Наставить на путь спасения?! Да вы с ума сошли! – заявила я совсем неуважительно. – Как вы себе это представляете? Цитировать ему Писание в постели?

– Виенн! – ахнула мать Беатриса.

Но я уже не могла остановиться:

– Все знают, что драконы – противники небес, проклятые существа, ненавидящие людской род. И вы рассказываете, что я могу обратить их на путь добра? Оставьте лживые сказки при себе. Я лучше вас знаю, на что способны драконы... и на что они не способны.

– Возможно! – оборвала она меня так резко, как никогда не разговаривала со мной раньше. – Но если ты знаешь о чем-то больше меня, то все равно твои знания не сравнятся со знаниями небес. И если они распорядились отдать тебя дракону, то в этом есть высший промысел. Все, не желаю больше ничего слушать. До завтра ты останешься здесь, тебя будут охранять, а завтра тобой будет владеть милорд де Венатур. Если желаешь – сбегай от него, моей вины в этом уже не будет.

Она вышла, хлопнув дверью, и я осталась одна.

Страшно хотелось швырнуть чем-нибудь вслед настоятельнице – подсвечником, глиняной чашкой с водой, но я сдержалась. Буйством горю не поможешь.

Я села на постель, подтянув колени к груди, и задумалась.

Когда-то жизнь моя пошла прахом. Я была беззаботной и глупой. Думала, что отец найдет мне красивого и доброго мужа, и я буду весело проводить время на праздниках, слушая песни менестрелей и баллады сказочников, и держаться за руки с прекрасным рыцарем, который станет нашептывать мне о своей любви и дарить розы в заснеженном январе.

Все вздор.

---

⁴ Перифраз высказывания из Екклесиаста (гл. 9, ст. 4)

Когда отец и брат сбежали, мне пришлось взвалить на плечи все хозяйство замка. Какие праздники, какие менестрели и розы в январе, когда надо было решать, что делать с должниками по ренте, как пережить зиму, не имея достаточного запаса дров, как умолить королевского сборщика налогов, чтобы предоставил отсрочку по выплатам, как починить провалившийся потолок и отбить у соседа коровье стадо, которое он самовольно загнал на свои выпасы. И еще я увидела, как на самом деле живут замужние женщины – ведь после бегства отца и брата мне пришлось общаться с соседями на правах хозяйки огромных земель.

Потом явились драконы, и бежать пришлось мне. Нет, я могла бы остаться. Поплакать, упрашивая их не конфисковывать земли и замок, понадеяться на их благородство – что не посягнут на честь знатной девицы, но я посчитала, что слишком горда для этого. И сбежала у драконов из-под носа.

Три года я пряталась за монастырскими стенами, и меня не очень-то тянуло в прежний мир. Наоборот. Теперь я думала, что именно монастырь даст мне ту свободу, к которой я стремилась. Свободу, когда женщина не обязана заниматься домом, рожать каждый год по ребенку и улаживать мужа, покорно снося побои, измены и скуку – обязательную спутницу жизни любой благородной дамы. Монастырь разрешал женщине читать, рисовать миниатюры и переписывать тексты интереснейших книг, вести переписку с вельможами, учеными и главными лицами церкви на равных. Да, я лишала себя мирских радостей, но кто сказал, что быть любимой мужчиной – это радость? Сегодня они любят тебя, а завтра бросают, а мои знания и книги никогда меня не бросят, до самой смерти.

И вот теперь жизнь моя снова пошла прахом.

Пленница дракона! Конкубина! Наложница! Игрушка! – подобные мысли пронзали мозг, как раскаленные металлические прутья. Мои цели, стремления, желания никого не интересовали. «Небеса распорядились... прояви смирение», – самое жалкое утешение, если это было утешением.

За ночь я не сомкнула глаз, и когда утром надо было отправляться в путь, выглядела я, наверняка, просто ужасно, но приводить себя в порядок и украшаться для нового хозяина не хотелось. Дракон посмотрел на меня и приказал сесть в повозку, в которой везли провиант и палатки. Я забралась в уголок, не желая ни с кем прощаться, и даже не подошла к настоятельнице за благословением.

Монахини стояли вдоль стены, опустив глаза, и боялись пошевелиться, пока драконы со своими людьми не покинут монастырь, но сестра Летиция все-таки подбежала к повозке, прижимая к животу мешок из вощенной кожи.

– Возьми, Виенн, – сказала она, с трудом перекидывая мешок через борт.

– Что это? – спросила я безо всякого выражения.

– Там медовые пастилки и книги, – сказала Летиция и тайком благословила меня. – Я положила те, которые ты читала чаще всего. Матушка-настоятельница разрешила.

Я пощупала сквозь мешок – и в самом деле, книги. В любой другой день меня бы обрадовала возможность стать обладательницей таких сокровищ, но сегодня я только равнодушно поблагодарила монахиню. Она обиженно надула губы, но больше со мной не заговаривала и вернулась к сестрам.

Раздался звонкий голос рога, и караван двинулся. Я схватилась за борт, потому что повозку тут же подбросило на кочке.

Это путешествие мне суждено было запомнить, как одно из самых мучительных. Всякий раз, когда к повозке подъезжали рыцари, чтобы поглазеть на меня, я испытывала стыд и ужас, а когда мимо проезжал дракон, имевший обыкновение каждые два часа осматривать караван от головы до хвоста, я испытывала самую настоящую панику.

Первую ночь я опять не смогла уснуть – сидела в уголке палатки, где расположились дракон и его брат, и старалась слиться с кожаным пологом. Но нападать на меня никто не

собирался, драконы, словно позабыли обо мне – поужинали сухим пайком, поделившись со мной хлебом, сыром и изюмом, а потом завалились спать. Дважды за ночь старший дракон выходил из палатки, и я слышала его голос – он проверял караульные посты, а младший дракон за всю ночь даже не пошевелился, только храпел.

То же повторилось и во вторую ночь, и в третью. Маркграф словно позабыл обо мне. Похоже, у него доставало в дороге развлечений и без цитатника.

На третий день мы прибыли к жилищу драконов. Я уже знала, что замок называется Гранд-Мелюз, и что он находится на острове посреди реки, но лишь увидев его, осознала, что замок и в самом деле – гранд, огромный.

Синие крыши отражались в гладкой водной поверхности, три башни с узкими бойницами грозно возвышались над крепостными стенами. В четвертый угол так и просилась четвертая башня, но эта сторона была пустой, отчего замок казался недостроенным. Нас ждали, и мост был уже опущен. Подъезжая к воротам, я увидела каменный барельеф на самом верху – старинный, в щербинах от ветра и солнца. Он изображал странную фигуру – женщину от макушки до пояса, и змею от пояса до кончика извивающегося хвоста. Перепончатые крылья, как у летучей мыши, были обозначены за плечами фигуры, а упругие кольца распущенных локонов вились, как скопище змей. Лицо ее, с грубо высеченными чертами, казалось улыбочиво-безмятежным, и именно это выражение безмятежности пугало больше всего.

– Это моя прародительница, ее звали Мелюзина, – произнес вдруг маркграф Гидеон, незаметно подъехав к повозке, в которой я устроилась. – Она построила этот замок. Посредством колдовства. Милая женщина, верно?

Я отшатнулась от него, как от прокаженного, и лицо мое совершенно ясно отобразило отношение к «милой» женщине – я испытала страх, самый настоящий ужас, и дракон, захохотав, подхлестнул коня, заставляя его умчаться вперед.

Дилан де Венатур направил коня следом за братом, бросив на меня темный, презрительный взгляд.

Повозка въехала во двор замка последней, и позади со скрипом опустилась решетка. Я оглянулась, с отчаянием и тоской посмотрев на алые кроны кленов, растущих по берегам рек. Теперь мне и вправду не было пути обратно. Забрав мешок с книгами, я неуклюже выбралась из повозки, путаясь в подоле платья.

Рыцарей и господ встречали слуги, и на меня никто не обратил внимания. К маркграфу бросились три очень красивые женщины, одетые богато и нарядно. Шелковые платья ярких оттенков, золотые шнуры и булавки, ожерелья с драгоценными камнями – женщины так и сияли красотой и богатством.

Глава 5. Замок и змеи

Две женщины были очень похожи – с золотистыми волосами, заплетенными в толстые косы, голубоглазые, пухлогубые, пышнобедрые, руки у них были белые и холеные, непривычные к работе. Казавшаяся на вид постарше, поднесла маркграфу чашу с вином и хлебец. Он принял благосклонно, выпил и закусил, а потом спрыгнул с коня, привычно бросая поводья слуге.

– Ингунда, – дракон небрежно погладил по щеке женщину, поднесшую ему вино и хлеб, – я привез там монашку, позаботься о ней.

Госпожа Ингунда повернулась к воротам, соизволив заметить меня. Я поклонилась, но успела заметить, как голубые глаза стали неприязненными.

– Куда велишь определить ее, господин? – спросила она, оборачиваясь к Гидеону. – На кухню или в часовню, или в другое место?

– Пока не пристраивай ее к работе, – сказал дракон, не глядя на меня. – Посели ее в комнате со змеями.

– В комнату со змеями? – спросила вторая белокурая дама, вскинув брови.

– А тебе никто слова не давал, – осадил ее дракон и подошел к третьей даме, легко поцеловав ее в лоб. – Как ты жила, Нантиль?

– Благодарю, господин, все хорошо, – ответила она, кланяясь и не смея поднять на него глаз.

Она была самая молодая, темноволосая, с тонкими чертами и смуглой кожей. Я обратила внимание на ее руки – не слишком ухожены, как будто она лишь недавно избавилась от тяжелой работы. Пальцы сильные, натруженные.

– Тебе подарок, – сказал Гидеон и кивнул кому-то из слуг.

К женщине тут же подтащили толстолапного щенка – он был величиной со среднюю собаку, серый, мохнатый и ужасно уродливый, на мой взгляд. Но дама так и вспыхнула от радости, увидев его.

– Это волкодав! – прошептала она восхищенно. – Благодарю тысячу раз, господин!

Она опустила на колени, ничуть не заботясь о богатом платье, и занялась щенком, поглаживая его по голове и ласково окликаая. Щенок сразу же признал в ней хозяйку и ластился, облизывая руки. Женщина засмеялась, и Гидеон тоже засмеялся.

Я посмотрела на белокурых дам. Лица обеих хранили абсолютно одинаковое выражение – легкое презрение, легкая зависть, легкое недовольство.

– Что смотрите? – обернулся к ним Гидеон, и дамы тут же изобразили радостные улыбки. – Ваши подарки в повозке, белые мешки с красными клеймами.

Они чинно поклонились и пошли к повозке, в которой я приехала, но едва маркграф зашел в двери, бросились наперегонки, толкая друг друга локтями. Про меня они благополучно забыли, и я не знала, что делать – пойти за драконом, остаться на месте или обратиться к кому-нибудь из слуг.

Темноволосая дама, которую дракон назвал Нантиль, самозабвенно играла со щенком. К ней подошел мужчина – седой, высокий. Когда-то он, наверное, был в прекрасной форме, и до сих пор сохранил подтянутую фигуру и военную статью, но желтоватая кожа и изможденное лицо указывали на застарелую болезнь.

– Смотри, папа, – обратилась к нему Нантиль, хвастаясь щенком, – он чудо, как хорош!

– Отличный пес, – согласился седой мужчина. – Милорд щедр с тобой.

Женщина вдруг перестала улыбаться и словно замкнулась. Она подняла глаза и посмотрела на меня, стоявшую у стены.

– Он привез новую женщину, – сказала Нантиль просто.

Мужчина тоже посмотрел на меня, но ничего не сказал.

В глазах Нантиль промелькнуло что-то вроде жалости, и она остановила проходившую мимо служанку – уже немолодую, но очень шуструю. Глаза у нее так и бегали из стороны в сторону. Я сразу вспомнила сестру Базину, которая воровала орехи из кладовой. Когда она вот так же шныряла глазами, все знали, что карманы ее передника набиты ворованными лакомствами.

– Фрида, милорд сказал устроить девушку в комнате со змеями, – сказала дама служанке, – и не приставлять пока ни к какой работе.

– А! – многозначительно сказала служанка и окинула меня таким взглядом, что я покраснела.

– Устрой ее, – продолжала Нантиль, – и Расскажи, что надо.

– Конечно, госпожа, – Фрида поклонилась, и теперь краска залила лицо дамы Нантиль.

– Какая я тебе госпожа? – пробормотала она, не без труда подняла на руки щенка, который тут же радостно облизал ей лицо, и пошла прочь, переговариваясь с отцом.

Было слышно, как она рассуждает, чем лучше кормить собаку – кашей или мясной похлебкой.

– Госпожа Нантиль любит собак, – сказала служанка, и мне послышалось злорадство в ее голосе. – Но милорду уже надоела. Пока он добр с ней, но скоро она ему совсем наскучит.

Наскучит! Я вздрогнула, когда раздалось это слово.

– А тебя как зовут? – служанка окинула красноречивым взглядом мой наряд и сразу определила, что я не отношусь к знатным особам.

– Виенн, – ответила я.

– Что у тебя в мешке? – последовал следующий вопрос.

– Книги...

– Книги? – изумилась Фрида. – Ты грамотная?

– Да, – подобные расспросы были унижительны, но я понимала, что нет смысла требовать к себе уважения. Похоже, все уже поняли, для каких развлечений их хозяин привез меня сюда.

– Если грамотная, то не нищенка, – выдала глубокую мысль Фрида и позвала меня за собой. – Пойдем, покажу, где будешь жить. Давай мешок, я понесу. Ты такая тоненькая, – сказала она, почти обвиняющее, – как будто тебя год не кормили.

– Я три года жила в монастыре, – сказала я. – Там не растолстеешь.

– В монастыре? – изумилась Фрида. – Ты – монахиня?

Я промолчала, не желая лгать, но и не желая развенчивать легенду. Может, статус монахини хоть как-то оградит меня.

– Милорд совсем с ума сошел, если хватает монашенок, – сказала служанка, понизив голос и опасливо оглянувшись. – Но ему нравятся женщины в теле, он будет тебя откармливать...

Откармливать, чтобы потом съесть? Я рассмеялась, но не весело, а нервно. Фрида посмотрела на меня с удивлением.

– Прости, – сказала я, – просто вспомнила, как в сказках драконы откармливают пленников, чтобы потом их съесть.

– Милорд не ест человечину! – заявила она оскорблено.

– Это просто счастье, – пробормотала я себе под нос, поднимаясь по винтовой лестнице на третий этаж.

– Здесь комната милорда, – Фрида кивнула на дверь из красного дерева и подвела меня к соседней двери, – а здесь будет твоя комната.

Она прошла вперед и с размаха бросила мешок с книгами на стол, после чего открыла ставни. Солнечный свет хлынул в окно, осветив пыльный стол с письменными принадлежностями, кровать под балдахином, комод, три стула на витых ножках. Я осторожно прошла к

кровати, коснувшись выцветшей ткани балдахина. На ней еще можно было рассмотреть змеек, вышитых поблекшим зеленым шелком.

– Я пришла сюда кого-нибудь, чтобы помогли тебе убраться, – сказала Фрида, распахивая раму. Здесь давно никто не жил. Мы называем эту комнату Промежуточной.

– Промежуточной? – переспросила я. – Почему?

– Потому что здесь живут те, с кем милорд еще не знает, как поступить. Понравишься – переедешь в южную башню. Там теперь живут госпожа Ингунда, госпожа Арнегунда и госпожа Нантиль. Не понравится – отправят к слугам. Или еще куда-нибудь.

– Я поняла, – сказала я тихо, опуская голову. – Госпожа Ингунда – жена милорда Гидеона?

– Жена? – Фрида фыркнула, с хрустом раздавив башмаком паука, которому вздумалось перебежать комнату. – Первая конкубина. Они все конкубины. Но мы знали, что милорд скоро привезет новую женщину. Он уже давно жаловался, что ему скучно. Ладно, я пошла, дел много – день короткий.

День и вправду оказался коротким – промелькнул, как птица, пока я наводила в комнате порядок, приличествующий для проживания. Фрида и в самом деле прислала мне помощницу – девочку-подростка, очень бойкую и спорую. Вдвоем мы выколотили пыльные тряпки, вымыли полы и окна, протопили камин и перестелили белье. Особенно тщательно я разложила письменные принадлежности. Судя по всему, ими пользовались нечасто – чернила в хрустальной чернильнице высохли, а перья даже не были очинены. Зато пергаменты и папирус, лежавшие в кожаной папке с золотым тиснением, оказались лучшего качества. Я с наслаждением вдохнула их запах – настоящая драгоценность. В монастыре мне приходилось довольствоваться подчищенными клочками пергамента, да и писать на них что-то кроме афоризмов из монастырских книг было невозможно. А теперь... У меня пальцы защекоталось от желания тут же написать несколько строк. Но где раздобыть чернил?

– Чернила есть у сэра Нимберта, – сказала моя маленькая помощница. – Хотите, провожу вас к нему?

Я заколебалась. Кто такой этот сэр Нимберт? Будет ли уместным обратиться к нему с просьбой?

– Он добрый, – заверила меня служаночка, – только немного тронутый. Если вы попросите, он не откажет, – она хихикнула и добавила: – Наверное.

Все же, я решила посетить сэра Нимберта, а заодно попросила показать мне, где находятся удобства, баня и прачечная с кухней.

Путешествие по замку затянулось – замок оказался невероятно большим, по сравнению с ним замок моего отца был всего лишь домом на десяток персон. Здесь же, как рассказала мне служанка, жили около пятидесяти человек из слуг, не считая хозяев, конкубин со своими горничными и рыцарей.

Служанка привела меня к конюшням и указала на пристройку, окно которой было закрыто ставнем изнутри.

– Постучите, – сказала она, – если он откроет – попросите чернил.

– Но окна закрыты, наверное, сэр Нимберт ушел, – засомневалась я.

– Если окна закрыты – он точно там, – засмеялась девочка и убежала, помахав мне на прощанье.

Собравшись с духом, я постучала, уверенная, что мне никто не откроет. Но прошло несколько мгновений, внутри стукнул засов и дверь приоткрылась. За порогом стояла Нантиль, а изнутри слышалось довольное повизгивание щенка.

– Простите, я хотела попросить чернил, – сказала я, запинаясь, и показала чернильницу, которую принесла с собой.

– Заходи, – она распахнула двери, пропуская меня, и сказала вглубь комнаты: – Папа, ты был прав, она умеет читать и писать. Дашь ей немного чернил?

Глава 6. Третья конкубина

Я прошла в полутемную комнату, пол которой был посыпан тростником. В центре резвился щенок, играя с косточкой, а в старом кресле с вытертыми подлокотниками сидел тот самый седой мужчина, которого я видела во дворе.

– Сэр Нимберт? – спросила я, поклонившись.

– Вам нужны чернила? – он устало поднялся и прошел к письменному столу. Над столом на полке стояли стеклянные пузырьки и реторты. Одни были пусты, другие наполнены жидкостями разных цветов. Сэр Нимберт взял один из пузырьков, наполненный составом черным, как ночь, и завернул в тряпицу. – Возьмите, пользуйтесь. Когда закончится – приходите, я приготовлю еще.

– Благодарю, – сказала я смущенно и указала на собаку. – Прекрасный пес! Я не разбираюсь в них, но этот выглядит очень сильным.

– О, да! – тут же расцвела улыбкой Нантиль. – Я назвала его Самсоном! Посмотришь, каким огромным он вырастет! Он сможет поставить передние лапы на плечи взрослому мужчине!

– Ничего себе, – изобразила я восхищение.

Мне было не по себе в этом темном доме, где Нантиль в ярком наряде смотрелась, как канареечная птица, залетевшая в хлев. Сэр Нимберт, похоже, разделял мое смущение, потому что молчал, предоставляя говорить своей дочери.

– Мне надо идти, – сказала я, чтобы не стать в тягость хозяевам. – Благодарю еще раз.

– Мне тоже надо идти, папа, – Нантиль поцеловала отца и схватила Самсона под мышку. – Милорд хочет отпраздновать возвращение, вечером будут гости...

Сэр Нимберт кивнул, провожая нас.

– А тебя позвали на праздник? – спросила Нантиль, когда мы шли от конюшен к жилой части замка.

– Нет...

– Наверное, милорд хочет, чтобы ты отдохнула с дороги.

Она остановилась, пропуская Ингунду и Арнегунду, которые шли в замок в сопровождении слуг, тащивших белые мешки с красными клеймами.

«Подарки милорда», – догадалась я, останавливаясь и кланяясь, как и Нантиль.

Старшие конкубины не обратили на нас внимания, и я заметила, что Нантиль приняла это с облегчением.

– Они сестры? – спросила я.

– Да, – ответила Нантиль. – Сначала милорд взял госпожу Ингунду, а потом ее родную сестру.

Я открыла рот, услышав о таком бесстыдстве. Нантиль покосилась на меня и печально усмехнулась.

– Госпожа Ингунда попросила милорда найти достойного мужа ее младшей сестре, а милорд сказал, что не знает никого достойнее себя, и взял госпожу Арнегунду второй конкубиной.

– О-о... – только и могла произнести я.

– Привыкай, здесь все делается быстро, – Нантиль усмехнулась еще печальнее, и потрепала Самсона по холке. – И не всегда по твоему желанию.

– А детей у милорда нет? – спросила я, вспомнив, что за все время я не слышала ни одного детского голоса.

– У драконов редко рождаются дети, – ответила Нантиль, и голос ее зазвучал, как надтреснутый хрусталь. – Милорд еще не стал отцом. Но это, может, и к лучшему.

«Может и так, – подумала я. – В Писании сказано, что небеса усмотрели в размножении драконов опасность, и поэтому их самки были лишены способности деторождения. Может, поэтому они так ненавидят людей? Потому что понимают, что будущее все равно за нами?»

– Говорят, ты приехала из монастыря? – прервала мои невеселые размышления конкурбина. – Это правда?

– Да, я три года прожила в монастыре святой Пучины.

– Это страшный грех – совратить монахиню, – покачала головой Нантиль.

Я покраснела так отчаянно, что она посмотрела на меня удивленно и испугано.

– На самом деле, я не знаю, что меня ждет, госпожа, – сказала я. – Милорд ни слова не сказал, зачем привез меня сюда. Я очень боюсь, потому что неизвестность – хуже всего. Все говорят, что он сделает меня конкубиной... Но милорд не прикоснулся ко мне за время нашего путешествия, и сказал... сказал, что ему не нравится мой внешний вид.

– Вот как? Тогда я ничего не понимаю, – Нантиль посмотрела на меня, сведя брови, как будто определяя, что заставило дракона забрать меня в замок. – Только не называй меня госпожой... Как тебя зовут?

– Виенн.

– Не называй меня госпожой, Виенн. Мой отец – лекарь в конюшне, а сама я всего год назад работала здесь прачкой.

Последовала неловкая пауза, и я торопливо сказала, потому что мы уже подошли к винтовой лестнице, ведущей на третий этаж:

– Хотите зайти ко мне в комнату? Посмотреть, как я устроилась?

– Обращайся ко мне на «ты», – сказала Нантиль и начала подниматься по ступеням. – Мне кажется, я старше тебя всего года на два. Сколько тебе?

– Девятнадцать.

– А мне – двадцать два. Просто – Нантиль. Договорились?

– Да, спасибо, – я улыбнулась, а она улыбнулась мне, оглянувшись через плечо.

Мимо комнаты дракона она прошла, ускорив шаг и стараясь не стучать каблуками.

– Я уже и забыла, как здесь жутко, – сказала Нантиль, переступая порог моей новой комнаты. Она выпустила Самсона, и тот сразу же принялся вычесывать блох. – Мы все поначалу жили здесь, когда милорд обращал на нас внимание. Поэтому... я не знаю, почему он отдал тебе эту комнату, если не считает тебя красивой... Тут везде змеи – на обоях, на покрывалах, – она коснулась пальцем выцветшей свиной кожи, которой были обиты стены. – Говорят, здесь жила леди Мелюзина.

– Прародительница милорда?

– Да, говорят, она построила этот замок, – Нантиль подошла к окну и посмотрела вниз. – И выпрыгнула из этого окна, когда муж прогнал ее, узнав, что она из рода драконов. У них было шесть детей.

– Выпрыгнула из окна? – пробормотала я. – Она покончила жизнь самоубийством? – мне стало жутко в этой змеиной комнате.

– Нет, она превратилась в дракайну и улетела.

– Но если у нее было шесть детей... То как такое могло произойти, если самки драконов бесплодны?

– Глупая! – засмеялась Нантиль. – Это же легенда! Кто знает, что там произошло на самом деле.

– Конечно, легенда, – прошептала я, поставив на стол чернильницу и пузырек, полученный от сэра Нимберга.

– Зачем тебе чернила? – спросила с любопытством Нантиль. – Отец записывает свойства растений, он пишет лекарственную книгу. А что будешь писать ты?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Наверное, буду вести дневник... Или запишу историю Мелюзины...

– Отец сразу понял, что ты умная, – сказала Нантиль, ставя локти на стол и рассеянно рассматривая пергамент, который я пришила к столешнице. – Он сказал, что у тебя взгляд, проникающий в душу. А мой отец редко ошибается в людях. Ты и в самом деле умная?

– Не то чтобы очень, – сказала я, – так, немного. Меньше, чем ты думаешь.

Мы обе засмеялись, и Нантиль тепло сказала:

– Ты мне нравишься, Виенн. Еще отец сказал, что ты добрая, и не станешь строить козни из-за любви милорда.

– О... я... – я смутилась, не зная, что ответить.

– Я верю отцу, – продолжала третья конкубина. – И мне кажется, что ты и правда добрая. Не старайся победить Ингунду, она... страшная женщина. Лучше не ссориться с ней. Были девушки, которые... – она замолчала и тень пробежала по ее лицу. – Но лучше не будем об этом, – она встряхнула головой и улыбнулась. – Просто не пытайся с ней соперничать, она способна на любое коварство, на любую подлость, она не позволит кому-то забрать милорда.

– Он мне совсем не нужен, – сказала я торопливо. – Но ты говорила, что работала здесь служанкой. Как получилось, что он выбрал тебя? Госпожа Ингунда с этим согласилась?

– Посмела бы она ему возразить, – Нантиль прошла по комнате и присела на корточки возле Самсона, которому вздумалось вздремнуть на солнечном пятне. – Но изводила меня страшно, пока не поняла, что милорд ко мне охладел.

– Мне показалось, он очень нежно к тебе относится, – сказала я осторожно.

– Ты про подарок? Это один из знаков, что ты ему надоела. Так он откупается от тебя. Но это и к лучшему. Я хотела бы жить спокойно, а не бояться, что найду змею в постели.

– Змею?!

– Прости, не хотела тебя пугать, – она быстро посмотрела на меня. – Но и такое бывало. Так что будь осторожна. Сейчас все присматриваются к тебе, и если госпожа Ингунда не обращает на тебя внимания, это не значит, что она тебя не замечает. Она следит за каждым шагом. И очень пристально.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я ее.

– Ты любишь охоту? – спросила она.

– Нет, вряд ли. Я не очень хорошая наездница, и убивать животных точно не смогу.

– Жаль, а я люблю охоту, и лошадей, и собак, – она подхватила сонного щенка и пошла к двери. – Мне надо идти, готовиться к празднику. Милорд не любит, когда опаздывают. Приходи ко мне как-нибудь, покажу тебе замок или возьмем коляску и уедем кататься. Папа тоже будет рад тебя видеть, ему не с кем особо здесь поговорить, а он очень ученый человек.

– Обязательно, обязательно, – я старалась улыбкой смягчить то чувство жалости, что вызвала во мне эта красивая, юная женщина.

Когда третья конкубина ушла, я еще долго стояла возле стола, глядя на чистый пергамент и кусая губы, а потом пододвинула стул, откупорила пузырек с чернилами и заточила перо.

Глава 7. Драконов пир

Около полуночи я проснулась от стука. Кто-то грубо молотил в дверь, и я помолилась, что догадалась на ночь запереться изнутри. Сев в постели и подтянув к подбородку одеяло, я обливалась холодным потом, ожидая, что же произойдет дальше.

– Госпожа Виенн! Проснитесь! – услышала я голос Фриды.

Это было не так страшно, и я слезла с кровати и подошла к двери.

– Что случилось, Фрида?

– Оденьтесь и пойдите со мной. Милорд желает, чтобы вы пришли на пир.

Я резко отвернулась, прислонившись спиной к двери. Отказаться? Сказать, что я больна?

Как будто угадав мои намерения, Фрида объявила:

– Он сказал, что если вы через четверть часа не явитесь, то сам придет за вами и вытащит из комнаты в том виде, в каком застанет.

Ну нет, такого удовольствия я ему не доставлю! Я поспешно надела платье, зашнуровала корсаж и спрятала волосы под платок, чтобы не выбивалось ни одной прядки. Не прошло и двух минут, как я была готова.

Я открыла двери и вышла в коридор, сложив на животе руки. Фрида стояла передо мной, держа в руках свечу, и подняла ее повыше, чтобы осмотреть меня.

– Вы и вправду выглядите, как монашка, – только и сказала она и пошла вперед, указывая мне дорогу.

Отношение ее ко мне явно переменялось – теперь она обращалась ко мне гораздо уважительнее. Вот только было ли это хорошим знаком?

Мы спустились на первый этаж, прошли широким коридором и начали опять подниматься. Постепенно до моего слуха донеслись смех, голоса и бречание лютни. Голоса становились все громче и отчетливее, и вскоре я безошибочно распознала смех милорда Гидеона и голос его брата, который что-то рассказывал, а рассказ его прерывался общим хохотом.

Лицо у меня горело, а руки заledenели. Я потеряла ладони, чтобы хоть немного согреть их. Все, сейчас Фрида распахнет дверь...

Свет, шум, ароматы жареного мяса и вина обрушились на меня волной. Я опустила глаза и шла за служанкой, гадая, для чего меня позвали.

– Пойдите здесь, милорд обратится к вам, – сказала Фрида, и я послушно остановилась.

Фрида ушла, и только тогда я осмотрелась.

Длинный стол, заставленный блюдами с жареной птицей, дичью, поросятами. Около тридцати гостей – все мужчины. За отдельным столом у стены сидят конкубины – все трое, наряженные, увешанные драгоценностями.

Мужчины оглядывались на них и говорили непристойности, ничуть не понижая голоса. Поглядывали они и на меня, но я их на непристойности не вдохновила. Вид у меня был далек от обольстительной красоты. Скорее всего, меня принимали за служанку, ждущую приказаний.

Разумеется, хозяин замка тоже был здесь. Сидел во главе стола, крепко откусывая жареную поросятину, и разговаривал с братом и дородным мужчиной в дорогом бархатном камзоле. Я понадеялась, что маркиграф забудет про меня, я постою немного, и тихонько уйду. Но он вдруг поманил меня пальцем, приказывая подойти, что я и сделала без особой охоты. Он сразу понял это.

– Недовольна, что выдернул тебя из постели? – спросил он дружелюбно, но глаза блестя, и он тут же приложился к бокалу, осушив его наполовину. – Мы тут с лордом Дженеталем заспорили кое о чем, постой рядом.

– Кто это? – недовольно спросил мужчина в бархатном камзоле.

– Брат купил себе цитатник! – со смехом объявил Дилан де Венатур.

Его слова услышали, и взгляды многих гостей обратились ко мне. Я призвала на помощь всю свою выдержку и стояла возле кресла дракона ровно, не горбясь, глядя в стену, будто меня совершенно не касалось все, что здесь происходит.

– Цитатник? – вполголоса спросил кто-то.

– Из монастырской библиотеки! – добавил Дилан, захохотал, поперхнулся и потянулся к бокалу, чтобы запить вином.

– Это монахиня? – показалось кому-то с пьяных глаз.

– Она же не в куколе, – поправили его. – Это нищенка.

Но веселья среди гостей поубавилось. Многие присмирели, словно были застигнуты за совершением непотребных дел, многим срочно понадобилось выйти.

Гидеон наблюдал за этим невозмутимо, а потом заговорил с лордом Дженеталем:

– Продолжим нашу беседу, любезный Эмиас. Опять скажу, что нельзя слишком баловать женщин, они садятся на шею и становятся сварливы, как сто старух. А ты слишком ей потакаешь, и это нехорошо потому что... – и тут он вскинул указательный палец, совсем как мать-настоятельница.

– Досада, стыд и срам большой, когда жена будет преобладать над своим мужем. Книга Премудрости, глава двадцать пятая, стих двадцать четвертый, – сказала я даже прежде, чем сообразила, что к чему.

– Моя жена – достойная женщина, – я увидела, что лорд Дженеталь сдерживает гнев, опасаясь открыто высказать недовольство дракону, а тот наслаждался, поучая. И, наверное, ждал, чтобы лорд вспылит.

– Не бывает достойных женщин, – говорил он доверительно, но глаза горели опасным огнем, – у них нет души. Ведь всем известно, что мужчина был сотворен из глины, и в него вдохнули божественную душу, а женщину сделали из кости, и души ей уже не досталось. Поэтому женщина всегда будет ниже мужчины и ей нельзя давать слишком высокое место. Пусть сидит себе тихонько у стены, и глаза в пол, – он указал на своих конкурбин, сразу присмиривших, – потому что... – он опять вскинул палец.

Теперь я поняла его игру, и разозлилась еще больше лорда Дженеталю, которого убеждали в недостойности его жены, а он, видимо, был очень к ней привязан.

– Наклонность женщины к блюду узнается по поднятию век и бровей ее, – процитировала я сквозь зубы. – Книга Премудрости, двадцать шестая глава, одиннадцатый стих.

Лорд Дженеталь так и уставился на меня, а дракон довольно откинулся на спинку кресла.

В это время к столу подошла Ингунда. Сегодня она была ослепительна, как солнце – в золотистой парче, золотом венце. Увешанная ожерельями, браслетами и кольцами, как новогоднее дерево подношениями. Она заметила, что бокал милорда Гидеона опустел, и принесла кувшин с вином.

– Это фалернское, очень крепкое, господин, – сказала она с подобострастным поклоном, – не пейте слишком много, иначе ослабеете.

– Зачем тогда принесла? – дракон подставил бокал, и Ингунда наполнила его до краев темно-красным вином. – Вообще-то, я не звал тебя, и не надо вмешиваться в мою беседу с гостями. Иди за свой стол и не беспокой больше.

Красивое лицо старшей конкурбины омрачилось, она не осмелилась возразить маркграфу, но зато посмотрела на меня – с такой откровенной злобой, что убила бы взглядом, если могла.

– Глупая баба испортила веселье одним своим видом, – сказал дракон, когда она удалилась.

– Злость жены изменяет ее лицо, и оно становится мрачным, как у медведя, – сказала я громко, – сядет муж ее среди друзей своих... и горько вздыхает. Книга премудрости, глава двадцать пятая, стих двадцатый.

Лорд Дженеталь хихикнул, но тут же сделал вид, что занят разрезанием куска мяса на своей тарелке.

– Это что за новости? – милорд Гидеон посмотрел на меня, прищурившись. – Разве я разрешал тебе говорить?

Я не ответила и опять уставилась в стену.

– Похоже, ты открыл в цитатнике не ту страницу, брат, – сказал Дилан со смешком. – А может, пора стряхнуть с него пыль? Не слишком ли долго он пролежал на монастырской полке?

Эти двусмысленные слова испугали меня, и я невольно отступила от кресла.

– Куда пошла? – сказал дракон негромко, но как будто прибил мои башмаки гвоздями к полу. – Разве не сказано, что скверна и гибель исходят от женщин? Как там у Екклесиаста? Что женщина – горше смерти?.. – он поднял голову, тяжело посмотрев на меня.

– Но еще сказано, что добродетельная жена – венец для мужа своего, разумная – от небес, любезная – для услады, кроткая – божественный подарок... – зачитала я наизусть, стараясь говорить не слишком торопливо, чтобы не показать своего страха.

Лорд Дженеталь, слушая меня, еле заметно кивал, наверное, ему казалось, что все это относится к его супруге.

– А что же не закончила? – усмехнулся дракон, опершись о подлокотник, чтобы быть ближе ко мне. – Как там дальше? «А наказанной жене – нет цены».

– Благовоспитанной! – выпалила я. – Это слово имеет два значения на божественном языке!

– Откуда знаешь, какое из значений верное? – не остался в долгу дракон. – Жена должна бояться мужа...

Он вскинул указательный палец, и я послушно произнесла:

– Жена да убойся мужа своего. Послание к Ефесеянам, глава пятая, стих тридцать третий.

– Правильно, так и должно быть, – дракон кивнул и вдруг с оглушительным стуком опустил кубок на стол.

Гости подскочили, как по приказу, и посмотрели на хозяина, а он обвел их взглядом и засмеялся – странным, нечеловеческим смехом, от которого мороз пошел по коже.

– Слышали? – обратился дракон к своим конкубинам, и те сторбились, стараясь стать как можно незаметнее. – Вы же хорошие жены? И боитесь мужа? Нантиль, подойди.

Бедная Нантиль встала из-за стола так неловко, что опрокинула чашу с вином. Рубиновая жидкость разлилась по столу – густая и красная, как кровь. Я смотрела, как третья конкубина приближалась к милорду Гидеону – мелкими шажками, сцепив молитвенно руки и боясь поднять глаза. Сестры Ингунда и Арнегунда, которых миновало мужнино внимание, немного воспряли – распрямили плечи и сделали вид, что кушают сладости. Острая жалость к этим несчастным и запуганным женщинам охватила меня волной, но вмешиваться было неразумно, ведь я была здесь самой беззащитной и бесправной.

– Тебе понравился подарок? – спросил дракон у Нантиль.

– Да, милорд, – еле выговорила она. – Вы очень добры.

– Как назвала? – продолжал он расспросы, разломив кусок хлеба и бросив в рот.

– Самсон, милорд.

– Дурацкое имя. Кто называет волкодава Самсоном? Ты на львов с ним, что ли, охотиться собралась?

– Скажите, как вам угодно, чтобы я его называла?..

Я видела, что Нантиль уже бледна до зелени, а маркграф словно нарочно пугал ее еще больше. Всякий раз, когда его взгляд останавливался на бедной женщине, она тряслась, как осиновый листок.

– Ну что, Виенн, – сказал вдруг дракон, – такая жена, как она, – он указал недогрызанной коркой на третью конкубину, – угодна небесам? Может, сделать ее еще более угодной? *Благовоспитанной*...

Гости притихли, уткнувшись в тарелки, а я задрожала едва не сильнее Нантиль. Неужели он готов устроить это на пиру – наказание?.. Но за что? Разве бедняжка чем-то провинилась?

– Сдается мне, ты все же неправильно толкуешь это слово, – продолжал дракон. – Что молчишь? Да или нет?

Я облизнула пересохшие губы и сказала:

– Я толкую его правильно.

– Что? Не слышу, – он подался ко мне.

– Я толкую его правильно, милорд, – сказала я уже громко. – А вы заблуждаетесь.

– Заблуждаюсь?

– Вспомните, что написано в том же послании к Ефесеям, глава пятая, стих двадцать восьмой: мужа должны любить своих жен, как свои тела, ибо никто не имеет ненависти к плоти своей, а питает ее и греет, – я взяла дыхание и закончила, как прыгнула в ледяную воду. – Хотите наказать жену – накажите свою плоть. Руку, ногу или... хвост.

В зале повисла гробовая тишина, только слышно было, как младший брат маркграфа медленно и со скрипом отодвигает кресло, чтобы встать из-за стола.

– Брат, разреши... – начал он злобно, с присвистом, но Гидеон вскинул руку, приказывая ему не вмешиваться.

– В какой книжке написано про драконий хвост? – спросил он у меня обманчиво-любезно.

– Послание к Ефесеям... – забормотала я.

Нантиль попятилась и, крадучись, вернулась за стол. Дракон не заметил, как она ушла, занятый беседой со мной. Беседой! Мне захотелось утереть вспотевший лоб, но я побоялась шевелиться. Стояла столбом перед креслом маркграфа, разглядывая подлокотник.

– Врешь, нет там такого, – прервал меня дракон.

– Есть, – ответила я тихо, но твердо. – Муж обязан любить жену и умереть за нее, если потребуется. Вы умрете за кого-нибудь из своих жен? Хотя бы за одну?

Пир был испорчен окончательно. Гости всеми силами притворялись, что их здесь нет. Дилан поигрывал кинжалом, посматривая то на меня, то на брата.

– Там так и написано: умереть за жену? – поинтересовался маркграф.

– Да, – выдавила я.

– Очень интересно, – он задумчиво почесал шею. – Не помню про «умереть».

– Так для этого вы и купили меня, – подсказала я. – У меня память лучше.

– Она дерзит тебе, брат, – сказал Дилан, еле сдерживая ярость. – Позволь...

– А мы сейчас проверим, у кого память лучше, – сказал маркграф весело. – Глянем в эту проклятую книжку – и проверим.

– Пусть принесут... – начала я.

– Зачем? – дракон хлопнул ладонями по столешнице. – Мы с тобой сейчас сходим и посмотрим, кто прав. Продолжайте, господа, – сказал он гостям, как приказал. – А мы с госпожой Хорошей Памятью прогуляемся. Ее любимая книга как раз завалилась у меня в комнате.

– Э-э... мне... – я попятилась, а дракон допил остатки вина и вытер губы ладонью, глядя на меня пристально.

Черные глаза горели, как угли. Казалось, сейчас он готов наброситься на меня, как дикое чудовище, и съесть без остатка. Я не выдержала и побежала к выходу, сопровождаемая смехом гостей и улюлюканьем Дилана.

Дракон догнал меня через несколько шагов, схватил поперек туловища и легко забросил к себе на плечо, шлепнув пониже спины, чтобы не лягалась.

– Сейчас проверим твою память, цитатник, – сказал он, пинком открывая двери из зала.

Глава 8. В логове дракона

Такого унижения я не испытывала никогда. Я готова была умереть от стыда, пока дракон тащил меня по коридору и лестнице, а когда он так же, пинком, открыл дверь в свою комнату и свалил меня на кровать – тут я уже готова была умереть от ужаса. Вот она – настоящая ловушка! Логово дракона, где меня не могло ждать ничего хорошего!

Здесь горел ночник из толстого крашеного стекла, и от этого комнату заливал приглушенный золотистый свет, создавая причудливую игру теней и бархатистый полумрак в углах.

Постель у дракона оказалась жесткой. Я упала больно, ударившись бедром и локтем. Попыталась сразу же вскочить, но дракон, толкнул меня в плечо – легко, почти играючи, но мне оставалось только ахнуть и неуклюже завалиться на покрывало и подушки. Рука моя скользнула между ними, и пальцы коснулись чего-то твердого и холодного. Нож! Я схватила его и выставила между собой и драконом. Нет, я совсем не умела обращаться с оружием, но слишком я была испугана, слишком отчаялась и совершенно не знала, что делать. Нож был кривым, с широким блестящим клинком и... ужасно тяжелым. Дракон остановился и посмотрел с насмешливым любопытством:

– Вот так-так. Да ты не просто монашка, а монашка боевая! Что сделаешь дальше? Попытаешься прирезать меня или себя?

– Не прикасайтесь ко мне... – пробормотала я.

– А то что? – спросил он издевательски и выбил нож из моей руки.

Я не успела заметить ни замаха, ни удара. Почувствовала только боль в кисти, а нож отлетел к стене, ударился об нее и свалился за кровать. Теперь я была совершенно беззащитна.

– Еще раз посмеешь мне угрожать – шкуру спущу, – пообещал дракон. – Бери книгу.

От страха я не сразу поняла, что он требует, и осталась сидеть на кровати, потирая ушибленную руку.

– Книгу возьми! – повысил голос дракон. Он был пьян и распален, и взгляд черных глаз показался мне совершенно безумным. Сейчас маркграф указывал на полку, где валялись книги вперемешку с пергаментными свитками, и послушаться его было еще большим безумием.

Я поднялась и мелкими шажками подошла к полке, не забывая опасливо коситься на дракона. Когда он переступил с ноги на ногу, я шарахнулась, подумав, что он хочет меня схватить.

– Долго ждать? – поинтересовался он. – Покажи то место, где написано, что я должен умереть за свою жену.

– А... – я немного пришла в себя. Похоже, пока он не собирался на меня покушаться. Неужели и правда притащил к себе в спальню только для того, чтобы я указала ему нужную цитату?

На полке стояло несколько книг в потертых переплетах, я даже не смогла разобрать названий, а вот Писание было совсем новеньким – в крашеной коже, с серебряными уголками, блестящей застежкой в виде женской головки и... покрытое толстым слоем пыли. Я взяла книгу, рукавом смахнула пыль, и положила на стол, раскрыв наугад.

Дракон стоял рядом, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока.

– Ну как? Нашла? – спросил он, когда я повела дрожащим пальцем поперек строк.

– Сейчас, милорд, – прошептала я. От страха в горле у меня пересохло, и голос пропал. Я перевернула один лист, другой...

– Где об это сказано? – дракон оперся о стол, нависнув надо мной. – Покажи! Покажи! – он со всего маху ударил ладонью о стол, перепугав меня еще больше.

Я зажмурилась, стараясь сдержать слезы, которые вот-вот готовы были закапать, но тут дракон меня отпустил и отошел, усевшись в кресло и положив ногу на ногу.

– Сдается мне, монашка Виенн, что ты дуришь своего хозяина, – сказал он.

– Прямой цитаты об этом нет, – прошептала я.

– Громче! Не слышу!

– Прямой цитаты об этом нет, – сказала я громче, и голос мой сначала прозвучал хрипло, а потом сорвался. Мне пришлось прокашляться, чтобы говорить ровно. – Но если толковать строки, где говорится, что муж является для жены главой, как Господь наш – глава церкви, то и муж должен претерпеть за жену, как Господь претерпел за...

– Так ты не только цитатник и свод законов, ты еще и толкователь божественных откровений! – восхитился дракон и оглушительно захохотал. – Поистине, недурное приобретение за пятьсот золотых! Что еще входит в список твоих талантов? Может, показываешь фокусы? Или умеешь ходить по канату? Не стесняйся, выкладывай. Должен же я знать, какое сокровище мне досталось!

Я посчитала, что его издевки не требуют ответов, поэтому промолчала, не отрывая взгляда от книги. Первая строчка, которую я прочитала наугад, гласила: «Сердце его твёрдо, как камень, и жёстко, как нижний жернов». Книга Иова, где пророк говорит о драконе, обитающем в морских глубинах. Для чего небеса сотворили такое чудовище? Могучее, свирепое, непобедимое, с каменным сердцем...

– Ты прикусила язык? – спросил дракон. – Подойди.

Не посмеяв ослушаться, я подошла к его креслу и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Маркграф смотрел на меня снизу вверх, но хозяйкой положения я себя от этого не чувствовала.

– Значит, змеиный язычок принял? – дракон подпер голову и усмехнулся.

– Прошу прощения, – ответила я тихо, – но язык у меня не змеиный. Милорд ошибается, я не змея, а всего лишь человек, – и выпалила: – Что вы намерены сделать со мной?

– С тобой? – переспросил он, растягивая слова, и окинул меня взглядом с ног до головы.

Меня бросило и в жар, и в холод от этого взгляда. Хотелось упасть ничком, пряча лицо и прикрыть руками голову, чтобы от него спрятаться – глупо, по-детски, теряя разум от страха.

– Я мог бы тебя съесть, – сказал маркграф раздумчиво, – да мяса меньше, чем на кролике. И монастырская жизнь, наверное, сделало его кислым, как уксус. Сколько ты там прожила?

– Три года.

– Откуда ты?

– Мне не хотелось бы говорить об этом, милорд.

– Тайны? – обрадовался дракон и даже подался вперед, уперев локти о колени. – Я не люблю тайны. Поэтому всегда стараюсь их вызнать, и поскорее. Любыми способами.

– Клянусь, я ничего не скрываю, – поспешно заверила я, – просто история моей жизни слишком ничтожна, чтобы утруждать вас рассказами о ней. Я последняя дочь, без приданого, родители отправили меня в монастырь, только и всего.

– Как зовут твоего отца?

Я посмотрела на него пристально, пытаюсь угадать – задан вопрос намеренно или это праздное любопытство. Но лицо дракона было непроницаемым, и я снова уткнулась взглядом в пол.

– Прошу прощения, милорд, но я не назову его имя.

– Почему же?

– Чтобы не навлечь на семью позор, – легко соврала я. – Вы купили меня, как барана, забрали из монастыря, и вот теперь я в вашей спальне, ночью, наедине с вами. У вас три жены, кто поверит, что вы привели меня к себе только лишь для того, чтобы я процитировала вам Писание? Моя репутация погублена навсегда. Но я могу хотя бы сохранить репутацию своей семьи.

Некоторое время он молчал, и я осмелилась взглянуть на него – не уснул ли?

Но маркграф задумчиво потирал подбородок.

– Хорошо сказано, – произнес он, наконец. – Можешь хранить эту тайну, она все равно не имеет для меня большого значения. Значит, ты благородна, судя по всему – хорошо образована. Как так вышло, если у твоих родителей не было денег на приданое?

– Матушка занималась со мной, – сказала я скромно. – И я многому научилась в монастыре.

– Допустим, – проворчал он и откинулся на спинку кресла. – Значит, матушка научила?

– Да, милорд.

– А кто научил твой язычок болтать дерзости?

– Говорить правду, вы хотите сказать?

– Опять дерзишь, – сказал он со странной улыбкой. – Мой брат советовал напомнить тебе, кто здесь хозяин.

– Ваш брат молод и вспыльчив, – заговорила я уже спокойнее. По-крайней мере, прямо сейчас никто не собирался меня насиловать и избивать, а если дракон хочет поговорить – то пусть так и будет.

– Я уже понял, что у тебя хорошая память. А какие еще есть таланты? Что ты еще умеешь? – он спросил это небрежно, и так же небрежно начал расстегивать камзол – медленно, пуговицу за пуговицей, начиная от ворота.

Все мои страхи взметнулись с новой силой. Не слишком ли рано я обрадовалась и поверила в благородство дракона?

– Что ты умеешь? – повторил маркграф и встал, сбрасывая камзол, а потом принялся распускать вязки на рукавах нижней рубашки.

– Милорд... – я облизнула вмиг пересохшие губы и резко отступила, налетев на стол. Что-то зазвенело, рухнув на столешницу, но я даже не оглянулась. Все мое внимание было приковано к мужчине, который сейчас неторопливо раздевался передо мной.

Глава 9. Содержание и переплет

– Достань из сундука свежую рубашку, я облился вином, – дракон снял с себя и бросил рубашку в кресло, а сам встал передо мной, обнаженный до пояса, ничуть не смущаясь своей полунаготы.

Рубашку! Я встрепенулась, разом воспрянув духом. Подать рубашку!

Неволью я скользнула по нему взглядом, подумав, какое красивое тело скрывали драконьи одежды. Плечи у мужчины были очень широкими, а талия и бедра узкими, мускулы так и перекатывались под гладкой кожей, на которой не было ни одного шрама, ни единой царапинки.

– Разве монашки так смотрят на мужчин? – спросил дракон насмешливо, и я поспешно отвернулась, вспомнив о его приказе.

Пока я рылась среди чистого белья, переложеного мешочками с душистыми травами, дракон подошел совсем близко и остановился за моей спиной. Я ощущала его присутствие всей кожей и заранее трепетала, понимая, что рано или поздно должна буду повернуться к нему лицом. Рубашка была найдена, и я закрыла крышку сундука, долго провозившись с замком.

– Простите, если обидела вас, – сказала я, с поклоном протягивая дракону рубашку и избегая встречаться взглядом, – но я видела мало мужчин в своей жизни, а последние три года не видела вообще. Поэтому не знаю, как вести себя наедине с вами.

– Какое похвальное смирение, – дракон взял рубашку и просунул руки в рукава. – И как ты меня находишь?

– Вы хотите знать, считаю ли я ваш переплет красивым?

Он засмеялся, а потом жестом приказал мне завязать тесемки на рукавах.

Пальцы не слушались, и я никак не могла затянуть узелок.

– Ну и что, Виенн, как тебе мой переплет? – спросил маркграф, наблюдая за моими жалкими попытками.

– Я уже говорила, что не оцениваю книги по переплету, – ответила я, справившись с одним рукавом и берясь за другой, – меня больше интересует содержание. А ваше не кажется мне особенно занимательным или поучительным.

– Говоря прямо – считаешь меня чудовищем.

– Вот этого я не говорила, милорд.

– Но дала понять.

– К сожалению, вы не предоставили мне доказательств обратного.

– Я тебя пальцем не тронул, лгунишка Виенн.

Прежде, чем ответить, я аккуратно расправила вязку на его рукаве, а потом тихо сказала:

– Вы купили меня. Привезли к себе домой против моей воли. Вы ничего не сказали о том, что меня ожидает. Вы меня пугаете. Унизили при благородных гостях, сказав, что ведете в спальню. Волокли, как мешок с мукой, да еще... еще... – я покраснела от стыда, вспоминая, как он шлепал меня пониже спины.

– Еще и оскорбил твое монашеское целомудрие, раздевшись перед тобой, – подсказал дракон. – И кто знает, что еще устрою.

– Именно так, – подтвердила я. – Вы сами все прекрасно понимаете, но предпочитаете лишний раз поиздеваться.

– Что поделать? – ответил он со вздохом притворного сожаления. – Такова твоя судьба, маленькая монашка, и таков мой нрав, – а потом добавил совсем другим тоном – хозяйским, деловитым: – Я возвращаюсь к гостям, а ты перестели мне постель и жди здесь моего возвращения. Вернись с братом, и нам нужны будут развлечения.

– Развлечения?! С братом?.. – прошептала я, чувствуя, как капельки пота поползли по вискам.

– И еще. Переоденься, – приказал он. – В этом платье и платке ты и правда похожа на нищенку. Я не желаю видеть нищенок у себя в спальне. Спроси у кого-нибудь из слуг, они помогут.

Он направился к двери, а я провожала его взглядом, умирая от страха и бессилия.

– Да, еще кое-что, – он остановился на пороге, – ты можешь попробовать еще раз убежать. Это забавно. Преследовать дичь – перепуганную, дрожащую... Мне нравятся такие развлечения. Но не уверен, что смогу сдержаться, когда догоню тебя в этот раз.

Он медленно оглянулся – черные глаза горели сумасшедшим, диким огнем. Я смотрела в них, застыв от ужаса, и снова испытала желание упасть на колени и закрыть голову руками.

Дракон вдруг громко клацнул зубами, и я так и подпрыгнула, слабо вскрикнув. Но он лишь пугал меня, и презрительно засмеялся над моим страхом. Эта глупая шутка разозлила, и злость прогнала страх.

– За что вы так со мной? – спросила я гневно. – Вы же сами говорили, что внешне я вам не нравлюсь?

Он окинул меня взглядом, как прежде – снизу вверх, оценивающе, насмешливо.

– Не ты одна ценишь содержание, а не переплет, – сказал он и вышел, оставив меня в спальне одну.

Я опустила на пол, потому что колени у меня дрожали. Что ожидает меня этой ночью? Развлекать дракона и его брата – что это значит? Воображение тут же нарисовало мне сотню страшных и омерзительных картин. Я сжала голову руками. Бежать?! Но может, дракон только и ждет, чтобы я дала ему повод... «Не уверен, что сдержусь в этот раз». Я как наяву ощутила крепкую мужскую руку на своей шее, а потом... прикосновение пальцев к щеке. Однажды сборщик налогов взял меня за колено, когда я просила об отсрочке по выплатам. Это было... омерзительно, противно до тошноты! Прикосновения дракона не казались мне омерзительными – просто страшными. Просто!.. Я не удержалась от смеха и смеялась до тех пор, пока слезы не брызнули. Так, спокойно, Виенн. Возьми себя в руки или погибнешь сразу же.

Дверь спальни резко открылась, и я не сдержала испуганного вскрика – мои нервы были натянуты до предела. Но заглянула всего лишь Фрида.

– Милорд приказал, чтобы вы перестелили ему постель, – сказала она с недовольством. – Чего вы ждете? И еще он велел, чтобы вы переоделись.

Подождав ответа, Фрида недовольно скривилась:

– Вы долго собираетесь здесь сидеть? Пойдемте! Я дам вам постельное белье и одежду.

Я шла за ней по темным коридорам, а слышала только голос дракона: «Не смогу сдержаться в следующий раз», «не ты одна ценишь содержание, а не переплет», «развлечешь нас с братом».

– Госпожа Фрида, – позвала я, – а как милорд Гидеон относится к своему брату? Я заметила, они очень близки.

– Они с детства – не разлей вода, – сухо ответила Фрида, наверное, все еще сердилась на меня за нерасторопность. – Господин Дилан обожает брата, просто слепо обожает. У него буйный нрав, у младшего господина, и только милорд Гидеон может держать его в узде.

Не разлей вода... Значит, всегда действуют заодно... Как же мне придется их развлекать?! Я молитвенно переплела пальцы, но прочитать молитву не смогла – голос дракона звучал в моей голове все громче и громче.

Фрида привела меня в комнату, где пахло свежестью чистого и наглаженного белья. Сундуки вдоль стен напоминали затаившихся чудовищ – огромные, с выгнутыми крышками, словно вздыбившие спины, с замками, блестящими, как глаза. Фрида подняла светильник

повыше и безошибочно открыла пасть одному из «чудовищ». Там лежали простыни и наволочки – белоснежные, сложенные ровно, шевчик к шевчику, без единой морщинки.

– Берите две простыни и две наволочки, – скомандовала Фрида, – и пойдете в гардеробную, подберем вам что-нибудь по росту. Прежде чем будете переодеваться – помойтесь. Милорд не любит грязи.

Я следовала за ней, еле передвигая ноги. Милорд не любит грязи... Значит, надо привести себя в порядок, чтобы понравится милорду... А его брат такой же любитель чистоты? Или ему мне не обязательно нравиться?

– Выбери, что нравится, – сказала Фрида, открывая дверь в другую комнату – здесь сильно пахло лавандой. – Вот в этом сундуке платья твоего размера, а вон там возьми белье.

Она сама открыла крышку, и я увидела сложенные аккуратными свертками платья – светлые, темные, все из добротной, но тонкой ткани, со шнуровками и даже вышивкой. Помедлив секунду, я взяла что-то темное, показавшееся мне самым неказистым. Белье выбрала совершенно бездумно, а вот головных платков выбрала два – один тонкий, из отбеленного полотна, а второй – из более толстой ткани, не такой грубый, что был сейчас на мне, но тоже коричневым.

– Могли бы взять что-то понаряднее, – Фрида осталась недовольна моим выбором. – Молодой девушке можно одеваться и ярче.

– Спасибо, мне подойдет и это, – сказала я тихо.

Служанка пожала плечами и проводила меня обратно.

– Положите постельное белье на кровать милорду, – посоветовала она, – перестелите позже, а пока приведите себя в порядок. Сейчас вам принесут горячей воды в вашу комнату, топить баню уже никто не станет, да и долго это.

Я сидела на своей новой постели, прижав к груди платки и платье, пока служанки принесли таз для умывания, кувшины и ведра с горячей водой. Женщины не пытались заговорить со мной под присмотром грозной Фриды и сразу удалились.

– Вам помочь? – нелюбезно спросила Фрида.

– Нет, благодарю вас, – покачала я головой. – Справлюсь сама, не беспокойтесь.

– Не заставляйте милорда ждать, – напомнила служанка. – Гости начнут разъезжаться после полуночи, к этому времени успеете перестелить ему постель.

Я только кивнула, глядя в пол.

Глава 10. Сказка на ночь

– Не знаю, что ты нашел в ней забавного, – Дилан поднимался по лестнице, придерживаясь рукой за стену – сегодня было выпито слишком много, и теперь не только голова кружилась, но и ноги ступали не твердо. – Да, не лишена миловидности, но тощая и жалит, как оса. Меня бесит, когда она открывает рот. Как она посмела сказать... – он икнул, – побей свой хвост? Ты не думаешь, что она может быть подослана мятежниками? Только отвернись – перережет тебе глотку...

– С каких это пор ты стал бояться людей? – пошутил Гидеон, поддерживая брата.

– Я?! Бояться?! – так и вскинулся он.

– Вот и я их не боюсь. А тем более – эту девчонку, которая и муху раздавить не сможет.

– Не ошибся бы ты на ее счет, – покачал головой Дилан.

– Сейчас заходим в комнату, а она там с арбалетом и алебардой наперевес, – усмехнувшись сказал Гидеон, останавливаясь перед дверями своей спальни.

– Постой! Она у тебя там, что ли? – Дилан круто развернулся, освободившись от поддержки братниной руки.

– Велел ей перестелить постель и развлечь нас с тобой, – тихо засмеялся Гидеон. – Надеюсь, когда зайду, увижу ее без платка и в ночной рубашке – пугливую, трепещущую, как лань...

– Ты же говорил, она тебе не нравится! – возмутился Дилан. – Сущее пугало!

– Тише, – Гидеон приложил к губам палец. – Зато это будет смешно.

– Все развлекаешься, – Дилан не мог успокоиться.

– Это мое право, – заметил Гидеон спокойно и толкнул двери.

Его ожидало разочарование. Монашка не пожелала прыгнуть в постель, как он на то рассчитывал, и даже не озаботилась одеться поприятнее. Дракон с некоторым изумлением осматривал ее новый наряд. Новый! Коричневое платье – ничем не лучше монашеской хламиды, белый платок, который она намотала на голову и шею, тщательно спрятав пряди волос, а сверху еще набросила головное покрывало – тоже коричневое.

Она устроилась в его кресле, поставив локти на стол, и читала книгу, но при появлении мужчин вскочила, едва не опрокинув свечу.

– Святые небеса, – нарочито изумился Гидеон. – Мне думалось, я зашел к себе в спальню, а попал прямиком в молельню. Мне следует испросить у вас благословения, матушка-настоятельница?

Дилан громко фыркнул за его спиной.

– Я просил развлечь меня и брата, – продолжал Гидеон, легонько отодвигая девушку в сторону и усаживаясь в кресло, в котором только что сидела она, – а ты решила читать молитвы до рассвета? Не пойдет, милашка. Молитвы – не то, что нас с братом интересует.

– Время позднее, я пойду, – сказал Дилан, не скрывая неприязни.

– Оставайся, – сказал Гидеон, и брат послушно замер, – ты же все равно не сможешь уснуть, – он обернулся к девушке и доверительно рассказал: – Когда он пьет, то потом не может спать, как только ложится на подушку – голова кружится.

– Зачем об этом? – сказал Дилан сквозь зубы.

– Она все равно узнает, – отмахнулся Гидеон, – она же такая умная! Жаль только, что весь ум ушел в молитвы, – он глянул в книгу, которую монашка читала перед его приходом, и удивленно присвистнул. – Ты уверена, что не ошиблась? Это не молитвослов. Дилан, ты посмотри, что она читала тут без меня.

Книга была о жизни двух великанов – весельчаках, бабниках и пьяницах, которые попадали в забавные и страшные приключения, демонстрируя наплевательское отношение к королям и церкви. Как раз была раскрыта страница, где младший великан в компании таких же

беспутных кутил-друзей прибыл на отдаленный остров, чтобы спросить у волшебной бутылки совета насчет женитьбы.

– Она взяла твою вещь без разрешения, – сказал Дилан. – Это ли не наглость?

– Наглость, – согласился Гидеон, – но я не в обиде. Так что насчет развлечений, Виенн? Обычно мы с братом играем в карты. Может, составишь нам компанию?

Он с удовольствием смотрел, как нежное лицо девушки заливает румянец. Нет, Дилан был не прав, говоря, что девица выглядит так себе. Не красавица из легенд, конечно, но мила. А глаза... В этот самый момент девушка посмотрела прямо на него, и Гидеон снова ощутил прохладу и силу морских волн. Люди думают, что море синее, но это не так. Оно зеленое. Зеленое, как толстое бутылочное стекло. Как изумруд. Как глаза вот у этой монашки.

Когда погружаешься в его глубины и смотришь сквозь толщу воды на солнце – море зеленое. И когда начинается буря, и со дна поднимается песок – оно тоже зеленое. Мятное. Как могло получиться, что женщина с такими глазами похоронила себя в монастыре? Она рассказывала жалостливую сказку про отсутствие приданого, но Гидеон был уверен, что это ложь. Женщина с такими глазами не нуждалась в приданом. И никогда не смирилась бы со скучной монастырской жизнью по приказу родителей.

Она дерзила ему, хотя отчаянно боялась. Она заступилась за Нантиль, когда подумала, что он накажет ее на пиру прилюдно. Она пыталась обороняться. Он не выдержал и засмеялся в голос, вспомнив нож в руке Виенн.

Напуганная его внезапным смехом, девушка вздрогнула и отступила на полшага.

– Доставай карты, – велел ей Гидеон. – Они в крайнем левом ящике стола.

– Я не умею играть в карты, – сказала она.

– А, я и забыл. Карты – искушение от демонов! Тогда у нас проблема, – Гидеон забросил ногу на ногу, вольготно устроившись в кресле. – Развлекаться нечем. Значит, ты не выполнила мой приказ. Даже не знаю, что с тобой теперь делать... Обычно слуги пытаются мне угодить.

– Что ты с ней возишься, – прошипел Дилан.

Девушка бросила в сторону младшего брата быстрый взгляд и вдруг сказала:

– Могу предложить вам другое развлечение, милорд. Не менее интересное, чем карты.

– Предлагай, – заинтересовался Гидеон.

– Прошу простить, но когда я перестилала вашу постель, то нашла вот это под кроватью, – она прошла к полке и взяла оттуда доску, расчерченную темными и светлыми квадратами. – Это шахматы, милорд, – сказала она, положив доску на стол. – Может ли такое быть, что вам покажется интересной *эта* игра?

– Ты даже знаешь, как она называется? – дракон потер подбородок, разглядывая монашку Виенн прищурившись.

– Я даже немного знаю правила, – сказала она осторожно, явно скромничая.

– Судя по твоему хитрому личику, ты считаешь, что играешь очень хорошо, – заметил Гидеон. – Мой брат не слишком любит эту игру... потому что все время проигрывает.

– Не все время, – вставил раздраженно Дилан.

– В любом случае, если мы с тобой будем играть, он заскучает. Так что не подходит.

– Тогда могу предложить другое...

Гидеон следил за ней со все возрастающим интересом. Похоже, она хорошо подготовилась к его приходу, хотя он намекнул совсем о других развлечениях, надеясь смутить. Но она не смутилась.

– Продолжай, – сказал он. – Посмотрим, что еще придумала.

– Я нашла у вас лютню и настроила ее, – и она тут же вытащила из угла старинную лютню, о которой Гидеон давно позабыл. – Я не очень хорошо музицирую, но пару мелодий знаю. Могу развлечь вас музыкой, пока вы будете... играть в карты.

– Ты видишь, брат! – Гидеон повел в сторону хитрой девицы рукой. – И такое сокровище досталось мне всего за пятьсот золотых! Уверен, она еще покажет себя. Вдруг мы узнаем, что она умеет строить города посредством магии, как наша прародительница, или...

– Прошу простить, милорд, – перебила она его. – Я уже не раз слышала, что этот замок построила госпожа Мелюзина, чью комнату я сейчас занимаю, и хочу спросить, если это не покажется дерзостью...

Дилан недовольно засопел, но старшего дракона расспросы ничуть не рассердили.

– Что ты хотела спросить? – спросил он.

– У вашего замка явно не хватает северной башни, – сказала девица, и глаза ее так и заблестели – было видно, что она раздумывала над этим. – Как такое могло произойти? Замок совершенно неприступен, насколько я могу судить, но северная сторона оголена... Сегодня я проходила в той части замка и не увидела руин. Башня просто не была построена. Почему? Не хватило средств? Или в этом какой-то особый план?

По мере того, как она говорила, лица братьев принимали все более замкнутое выражение. Монашка, в конце концов, заметила это и замолчала, испуганно сгорбив плечи.

Раздался осторожный стук, и вошла Ингунда, неся кувшин.

– Я принесла разбавленное вино, милорд, – сказала она, смиренно останавливаясь у порога. – Завтра вас будет мучить жажда, вы слишком много выпили сегодня.

– Принесла – поставь и убирайся, – приказал Гидеон. – И скажи, чтобы не беспокоили нас.

– Да, я вижу, что вы очень заняты, милорд, – сказала первая конкубина, проходя к столу.

– Проваливай, проваливай! – поторопил ее Гидеон, потому что она заслонила от него девицу Виенн.

– Как прикажете, – чинно ответила Ингунда и удалилась.

– А ты что стоишь? – казал Гидеон монашке. – Подай карты, бери книгу, что читала – и читай вслух. Я тоже люблю эту историю, да перечитать времени не было.

Он пересел на постель, подсунув под локоть подушку, вторую подушку перебросил брату, который устроился в изножье кровати, и сдал карты, протянутые ему монашкой.

Краем глаза он видел, как она сняла нагар со свечи, пододвинула ее поближе и села в кресло, устроив книгу на коленях, и кротко спросила:

– Мне начать чтение с первой главы?

– Продолжай оттуда, где остановилась, – разрешил Гидеон.

Она мгновение промедлила, а потом начала читать, негромко, но с выражением:

– Подойдя еще ближе, мы установили, что к неумолчному звону колоколов примешивалось бесперывное пение людей – по видимому, местных жителей...⁵

Голос ее был приятен для слуха – мелодичный, нежный, и читала она легко, без запинки. Слушать ее было истинным наслаждением, но Гидеон с трудом подавил смешок. Милашка-монашка еще не поняла, какую книгу выбрала в качестве развлекательного чтения.

---

⁵ Цитата из книги Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Глава 11. О душе, сердце и сокровищах

Чтение необыкновенно меня увлекло. Я не всегда понимала, что автор хотел сказать той или иной фразой, но приключения бесстрашных путешественников – опивох и мошенников, были интереснее, чем монастырские хроники. А ведь всего пару дней назад я читала те хроники с жадным интересом.

«Недавно видел я одну аббатису с белыми перышками, – возразил Панург, – покататься на ней куда приятнее, чем просто подержать за руку. Другие показались мне стреляными птицами, ну а та, сейчас видно, что птица важная. Я хочу сказать – премиленькая, прехорошенькая, с такой нельзя разочка два не согрешить».⁶

Прочитав эту фразу, я замолчала. Что это?

Тайный смысл слов балагура Панурга дошел до меня с опозданием, и я залилась краской, когда я поняла, о чем он рассуждал со своим господином. Я поспешно проследила пальцем строки, чтобы пропустить неприличности, если они встретятся, но тихий смешок заставил меня испуганно поднять голову.

Младший дракон спал поперек кровати, уронив карты, а старший удобно устроился на подушках – полусидя, скрестив на груди руки – и слушал меня. Несомненно, он слышал, что я произнесла, и заметил мое смятение.

– Ты зачитала моего брата вусмерть, – сказал милорд Гидеон, не двигаясь. – Твои сказки лучше колыбельных. Но зачем остановилась? Читай дальше.

– Милорд... эта книга... – я не знала, что сказать, и перевернула страницу.

– Ну? Продолжай? – дракон смотрел на меня из тени алькова, и глаза у него горели. – Эта книга недостаточно хороша для тебя?

– Она... недостаточно прилична, – сказала я и захлопнула фолиант.

Дилан тут же всхрапнул и пошевелился, а старший дракон предостерегающе приложил палец к губам, делая знак не шуметь.

– Положи книгу на полку и присядь поближе, – позвал он.

– Для чего? – тут же спросила я.

– Будем разговаривать тихо, – объяснил он невинно, – чтобы не потревожить брата.

– Нам не надо разговаривать, – возразила я. – Я загашу свечу и уйду в свою комнату. Уже глухая ночь, вы и так засиделись, милорд.

– Я не хочу спать, – сказал он. – А ты хочешь?

По правде говоря, сна у меня не было ни в одном глазу. Я поставила книгу про похождения великанов на прежнее место и не удержалась – погладила переплет. Интересно, что же ожидало их дальше в морском путешествии? Но благоразумие возымело верх, и я сказала:

– Лучше мне уйти, милорд. Сегодня вы столько раз пугали меня, что я едва держусь на ногах от страха. Разрешите удалиться и отдохнуть.

– Не разрешаю, – ответил он. – Я всего-то и прошу – присесть поближе, немного поговорить... Но если желаешь, мы можем перейти в твою комнату, чтобы не разбудить Дилана... – он сделал движение, будто собирается подняться.

– Нет, я согласна поговорить... немного, – уже не пререкаясь, я подошла к постели и села на краешек, посчитав, что передвинув кресло, наделаю шуму. – О чем вы хотели побеседовать? Только недолго, скоро запоют вторые петухи.

– Собственно, я тебя и не держу, – сказал дракон, – но ты сама хотела кое-что у меня разузнать...

– Я?!

---

⁶ Цитата из книги Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

– Про северную башню, – напомнил он.

– О, да... вы правы... – я уже успела позабыть о своем интересе. – Но мне показалось, что вам с братом не слишком понравились мои расспросы. Если это запретная тема, то не надо ничего говорить, я погашу свечу...

– Виенн! – он вдруг подался вперед и схватил меня за руку, потянув к себе.

Я завалилась прямо на него, ощутив каменную твердость мышц на плечах и груди. От дракона пахло вином и еще чем-то терпким, острым – как будто смешали мускус и амбру. Я попыталась отстраниться, но он прижал меня крепко, и глаза его смеялись.

– Не смешно, – прошептала я. – Пустите, или закричу и разбужу вашего брата!

– Будешь кричать, даже ничего не узнав о Мелюзине?

– Вы обнимаете меня для того, чтобы поговорить о ней?

– Считай, что просто захотел рассказать тебе сказку на ночь, – он вдруг легко коснулся кончиками пальцев моей щеки. – Зачем ты прячешься?

– Прячусь? – от его прикосновения я вздрогнула, будто меня ткнули иглой, и торопливо добавила: – Я вполне могу послушать вашу сказку на расстоянии, милорд... или в другой раз.

Он немного ослабил хватку:

– Хорошо, я тебя отпускаю, но только не убегай.

Не убегай... Как будто можно было сбежать из клетки.

Я села на край постели и поправила сбившийся головной платок. Как понимать эти прикосновения? Если бы он хотел меня, то уже взял бы раз десять. Нет, тут было что-то другое. Он играл, забавлялся. Намеки, полунамекы, взгляды, приказ читать вслух книгу с непристойностями – все это было игрой. Он знал, как это пугает и коробит меня, и старался еще больше. Каким удивленным был его взгляд, когда он вошел в спальню и увидел меня за столом. На что он рассчитывал? Что я встречу его обнаженной и на коленях? И с готовностью подчинюсь любому его желанию и желанию его брата?

– Так что с вашей прародительницей, милорд? – спросила я, пытаясь направить разговор в другое русло.

Но дракон не пожелал менять тему:

– Ты мне не ответила. Зачем прячешься? Зачем оделась, как монашка? Я ведь приказал.

Ну вот, так и знала, что он не станет раскрывать тайны своего рода, и что история о замке Гранд-Мелюз была лишь предлогом, чтобы помучить меня еще сколько-то. Я тяжело вздохнула и сложила руки на коленях:

– Милорд не запрещал этого. Вы не хотели видеть меня нищенкой, но теперь я не выгляжу, как нищенка. Я не нарушила вашего приказа.

Он хмыкнул, но новых попыток схватить меня не делал.

– Мне показалось, так я буду в безопасности, – добавила я.

– Разве тебе кто-то здесь угрожает?

– В этом замке слишком много мужчин, которые ни во что не ставят женщин, – пояснила я, стараясь говорить спокойно, хотя меня трясло мелкой дрожью – и от его близости, и от низкого голоса с опасными подрыкивающими нотками, и от прикосновения к щеке, которое я до сих пор ощущала, будто оно все еще продолжалось. – Надеюсь, что не все они утратили совесть и не станут нападать на монахиню.

– Но ты не монахиня.

Я заставила себя посмотреть ему в лицо:

– Хотите рассказать об этом всем?

Он прислонился затылком к прикроватному столбику и закрыл глаза. Сразу же стало легко, словно лопнули железные веревки, связывающие меня. Но чувство свободы длилось недолго – когда дракон снова взглянул, я ощутила тяжесть во всем теле и в душе тоже.

– Почему... – начала я, но сразу замолчала.

– Почему – что? – спросил он. – Говори, раз заикнулась.

Набравшись смелости, я спросила, осторожно подбирая слова, чтобы не обидеть ненароком:

– Почему вы так действуете на людей, милорд? Ваш взгляд, ваш голос – все повергает в панический ужас...

– Ты чувствуешь драконью кровь, человек, – сказал он почти равнодушно. – То же самое ты чувствовала бы, оказавшись рядом с медведем или львом.

– Но... – я кивнула в сторону спящего Дилана, – но почему мы не испытываем то же самое в присутствии вашего брата? Я боюсь его, но не так, как вас... Я боюсь его, как опасного и вспыльчивого человека, а не как дикого... – тут я прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

– ...а не как дикого зверя? – закончил фразу милорд Гидеон. – Наверное, потому что Дилан – не зверь. Хоть отец наш и был драконом, Дилан не унаследовал драконьей крови. В нем кровь нашей матери.

– Она была человеком? – осмелилась спросить я.

– К чему такое любопытство? – Гидеон склонил голову к плечу. – Зачем ты все это спрашиваешь?

– О, простите, – пробормотала я, уставившись на свои руки.

– Виенн? – позвал он лениво. – Так что означает твой интерес?

– Простое любопытство, милорд, – заверила я его, – ничего больше.

– Ты от меня ничего не скрываешь?

Вроде бы небрежный вопрос ударил меня в самое сердце. Я замотала головой и шепотом воскликнула:

– Нет! Нет, милорд! Что бы мне скрывать от вас?!

– Не знаю, – сказал он медленно. – Но хочу верить, что тебе и в самом деле нечего скрывать, и что ты говоришь правду о *простом* любопытстве. Я ненавижу, когда мне лгут. Поэтому меня взбесило, когда ты начала врать там, в зале. О том, чего нет в Писании.

– Это не было враньем, – быстро сказала я. – Это всего лишь мое умозаключение.

– А еще я ненавижу тайны, – продолжал он, не слушая меня. – Если есть тайны – есть тайные умыслы, а они никогда не бывают добрыми. Я ненавижу трусов, которые готовы пресмыкаться, лишь бы сохранить жизнь. Я ненавижу подхалимов, которые продадутся за кусок хлеба и пару золотых, забыв о гордости.

Он замолчал, и я некоторое время ждала – не скажет ли что-нибудь еще, а потом произнесла:

– Сколько ненависти в вашей душе, милорд. Как же вам тяжело живется на свете, с такой ненавистью. Мне искренне вас жаль.

– Ты меня жалеешь? – спросил он скептически. – Ты – нищая девчонка из монастыря?

– Я не всегда была такой, милорд, и мне есть, с чем сравнивать. Можете поверить – нищета в сердце всегда страшнее, чем нищета в деньгах. Ведь как говорится в Писании: «блаженные нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное».⁷ Но про нищих сердцем не сказано ничего.

– Значит, твое богатство – в сердце? – усмехнулся он. – Сколько там золота? Драгоценных камней? А может, ты прячешь там породистых скакунов или клинки из фарандской стали?⁸

– Не мне судить о богатстве моего сердца. Это определяют небеса.

Мой ответ его позабавил, я видела, как растянулись в улыбке его губы, обнажив белые, хищные зубы:

---

⁷ Еванг. от Матф., 5:3

⁸ Имеется в виду булат

– Говоришь, как каноник на проповеди. Даже я проникся. Мать-настоятельница продешевила, продав тебя за пятьсот золотых. Я бы просил тысячу.

– А вы говорите жестокие и страшные вещи. Решили меня перепродать? – сердце мое сжалось от страха, но я постаралась его прогнать. Если на тебя объявили охоту – страх погубит. А то, что на меня начали охоту – теперь не было сомнений.

– Перепродать? – он смерил меня долгим взглядом, от которого у меня перехватило дыхание, а потом его белые зубы снова блеснули в полумраке. – Ну нет. Такое сокровище должно принадлежать только мне. Ты же будешь моей, Виенн?

Глава 12. Крик в темноте

В этот момент я начала понимать, чем могла заинтересовать дракона. Его окружали страх, покорность и подобоострастие. Даже родной брат не осмеливался спорить с ним, не говоря о конкубинах. Я не была дурочкой и прекрасно поняла, зачем Ингунда пришла в спальню. Нет, вино совсем ни при чем. Она явилась разузнать, что происходит. Оценить – опасна ли я как соперница. Она была тиха и покорна, но смотрела цепким взглядом, словно примеряясь – надо ли впиться в меня зубами и когтями, или я окажусь развлечением на пару ночей и не стою внимания. Я уже наблюдала такие взгляды – после смерти моей матери отец тоже заводил конкубин. Иногда – двух одновременно. И мой брат не отказывал себе в удовольствии. Я не знала, что именно старшая конкубина испытывала к дракону, но сильно сомневалась, что это можно было любовью. Когда любят – не смотрят так злобно. Ревность от любви – не то что ревность от чувства собственности. И если я догадывалась об этом, то, возможно, и для дракона это не было тайной.

Мужчины глупы во всем, что касается женских чувств, но дракон не показался мне глупым. И его слова о ненависти к трусости и подобоострастию лишь подтвердили мою догадку.

В монастыре, я позволила себе дерзость. Хотя – какую дерзость? Всего-то прошептала что-то из-за спины матери-настоятельницы. Но для него и это оказалось вызовом, началом новой охоты. Ведь охота горючит ему кровь, он сам так говорил. И еще он сказал, что я развлекла его. И пока буду развлекать – останусь жива.

Сейчас я уже не верила, что он убьет меня. Скорее всего, там, в лесу – это была странная шутка, одна из многих его странных шуток.

Но в каждой шутке – только доля шутки. Пока я развлекаю его, мне едва ли что-то угрожает.

Только охотник теряет интерес к дичи, когда дичь поймана. И я не сомневалась, что так произойдет и со мной – так же, как произошло с остальными. Когда меня поймут, я перестану развлекать. И как тогда сложится моя судьба – не известно. Съедят? Выбросят, как ненужную вещь? Отправят в кухню мыть сковородки или поселят в Южной башне и заставят сидеть на пирах рядом с Ингундой и остальными конкубинами?

– Как странно вы говорите, милорд, – сказала я. – Вы ясно дали понять мне и своим людям, что я принадлежу вам. Вы купили меня, посчитав вещью, а теперь решили спросить у вещи – нравится ли ей хозяин?

– Змеиный язычок, – пробормотал он, но не казался недовольным.

– Вы уже второй раз говорите об этом, – теперь я знала, что на верном пути и немного приободрилась. – И уже второй раз повторяю вам: я всего лишь человек. Обыкновенная, слабая женщина. Не змея, но не вещь. Вы можете силой забрать меня из монастыря, силой привезти к себе домой, даже убить, если это покажется вам забавным. Только моего отношения к вам это не изменит.

– Я помню, что ты говорила обо мне, не повторяй, – дракон чуть заметно поморщился.

– Тогда и не спрашивайте, будет ли Виенн принадлежать вам! – я вскочила с постели прежде, чем дракон успел поймать меня. – Потому что ответ вам известен, – мне даже не пришлось прилагать усилия, чтобы изобразить праведный гнев – меня и так переполняла ярость.

– Ты уверена? – спросил дракон очень спокойно, медленно сжимая пальцами воздух как раз в том месте, где я сидела всего секунду назад.

Дилан всхрапнул, и мы одновременно посмотрели на него, но он крепко спал. И все же я понизила голос, когда заговорила снова:

– Не убеждайте меня, что вы еще и глупец.

– Глупец?

– Если не можете понять очевидного.

– Вот как, – сказал он раздумчиво и откинулся на подушки, рассматривая меня из-под ресниц.

– Спокойной ночи, милорд, – сказала я, пятясь к двери. – Желаю вам и вашему брату добрых снов.

– Какая любезная, – протянул он и, кажется, коротко зевнул.

Облегченно вздохнув, я уже нащупала дверную ручку, когда дракон вдруг сорвался с постели и бросился на меня. Его движение невозможно было уловить человеческим глазом – я заметила только мелькнувшую черную тень, а в следующее мгновение оказалась прижатой к двери спиной. Он держал меня за плечи, и совсем рядом было его лицо – темное, со зло блестящими глазами.

– А я не давал тебе разрешения уходить, – сказал он с присвистом.

Теперь в нем явно проскальзывало нечто чужое, отличное от человеческой природы. Он не изменил облика, но мне показалось, что меня опутывают цепями или... змеиными холодными кольцами.

– Опомнитесь, милорд, – пролепетала я, разом растратив всю свою браваду. – Вы пьяны...

– Как сразу заговорила! Может, сначала докажешь, что у тебя на самом деле человеческий язычок? – он наклонился, и губы его оказались в опасной близости от моих губ. – Или все-таки, раздвоенный? Как у змейки? Ну же, Виенн, покажи мне, что ты *обыкновенная* женщина...

– Милорд, милорд... не делайте этого... – я затрепыхалась в его руках, а потом, не имея возможности освободиться, зажмурила глаза, как будто это могло меня спасти.

И в это время раздался тоскливый вопль – громкий, протяжный. Особенно громкий в тишине спящего замка. Я открыла глаза, испуганно глядя на дракона, и он тоже замер, прислушиваясь, но крик резко оборвался.

Мое сердце успело стукнуть пять раз, когда где-то внизу хлопнули двери и послышались взволнованные голоса.

– Что это?! – Дилан вскочил с кровати, но сразу же сел, со стоном потирая голову. – Что за дьявольщина посреди ночи?!

Гидеон отодвинул меня от двери и позвал брата:

– Пошли, проверим. А ты, – он мельком взглянул на меня, – жди здесь. Запрись изнутри.

Они вышли, причем Дилан приволакивал ноги – похоже, вино подействовало на него сильнее, чем на брата, или выпил он больше.

Разумнее всего было бы последовать совету и запереться, но я положила руку на засов и промедлила, кусая губы. Тоскливый крик до сих пор звучал в моей голове. Печаль, ярость, отчаяние – вот что было в нем. Какое существо, претерпевая какие муки, может исторгнуть такое?!

Я открыла двери и выглянула в коридор. Здесь было темно, потому что светильники уже прогорели. Я слышала голоса слуг – испуганные, дрожащие: что случилось? кого-то убили? это привидение?!

Все заглушил голос дракона – он говорил спокойно, приказывая разбиться в группы по трое и обследовать замок. Я закрыла двери и опять взялась за засов, но опять передумала. Невозможно оставаться в стороне. Невозможно прятаться, когда кому-то рядом так плохо.

Пройдя коридор на ощупь, я вышла к лестнице. Внизу горели два светильника, и было пусто – обитатели замка разошлись искать кричавшего. Я спустилась, вздрагивая на каждый шорох.

Теперь замок ожил – слышался топот на верхних этажах, люди перекрикивались, лаяли собаки. Один светильник мигнул и погас, и я бросилась ко второму, чтобы поправить фитилек.

– Что это ты тут забыла? – раздался высокомерный голос.

Я сразу узнала его, и обернулась с поклоном:

– Кто-то кричал, госпожа Ингунда, я хотела посмотреть...

– Тебе разве разрешали бродить по замку? Отвечай!

– Прошу прощения, – я поклонилась еще раз. – Но никто не сказал мне, что это запрещено.

– Я говорю.

Она стояла передо мной, возвышаясь на полголовы – красивая, с распущенными белокурыми косами, неприбранная со сна. За ее плечом пряталась испуганная Арнегунда, а из-за нее выглядывала Нантиль. Все три конкубины были в ночных рубашках, простоволосые, Нантиль держала плоский светильник на ладони, а Ингунда – стеклянный фонарь на металлическом колечке.

– Наверное, это привидение, – прошептала Арнегунда, перебирая дрожащими руками четки.

– Милорд отправил слуг осмотреть замок, – сказала я, чтобы подбодрить ее. – И сам пошел узнать, что случилось, вместе с братом.

– Молчать! – гневно оборвала меня Ингунда.

Нантиль опустила голову, избегая встречаться со мной взглядом.

– Простите, госпожа... – начала я извинения.

– Ты! Не удивлюсь, если это твоих рук дело! – сказала Ингунда обвиняющее. Она перехватила фонарь в левую руку и ткнула в меня указательным пальцем правой. Рука ее была перепачкана чем-то, наверное, сажей от фонаря – и от этого показалась костлявой, как у старухи.

– Уверяю вас, я не...

– Молчать! – последовал новый, не менее гневный окрик.

Я благоразумно умолкла, понимая, что угодить этой женщине будет так же нелегко, как совладать со стаей драконов.

– Убирайся, пока я не приказала выпороть тебя, – велела она, потрясая фонарем. – Если узнаю, что ты вздумала воровать...

– Ну а здесь что за крики? – недовольный голос милорда Гидеона долетел из темноты коридора, а следом вышел и сам дракон в сопровождении брата.

Конкубины немедленно бросились к дракону, спрашивая, что произошло. Ингунда, на правах старшей, положила ему на плечо руку. Милорд Гидеон покривился, но руку не сбросил.

– Что вы так переполошились? – он посмеивался, но не мог скрыть раздражения. – Мы осмотрели жилые этажи, ничего подозрительного. Кому-то приснился кошмар, только и всего.

– Только и всего?! – воскликнула Арнегунда. – Да я до сих пор дрожу! Какой ужасный крик! Наверное, это привидение...

– Что за бабские бредни, – дракон досадливо развел женщин в стороны, сделал шаг и тут увидел меня. – А ты почему спустилась? – спросил он, хмурясь. – Я же велел сидеть в моей комнате. И запереться.

– Прошу прощения, милорд... – я не успела оправдаться, потому что начали возвращаться слуги.

– Быстро замок не осмотришь, – сказал один из мужчин, с кухонным ножом наперевес. – Если кто-то и был, он мог запросто убежать по северным лестницам, пока мы туда добирались.

– Или по южным, если он знает, куда идти, – вставил Дилан. – Ловить кого-то ночью в Гранд-Мелюзе – это как блоху искать в мешке проса.

– Да кто будет бегать по замку ночью? – фыркнул дракон. – Кому-то приснился плохой сон. Расходитесь уже. Гости уехали, ворота заперты, остались все свои. Кого вы боитесь? Повара? Или может, Нимберта? Если только, – тут он усмехнулся и покосился на Арнегунду, которая повисла на плече у Нантиль и уверяла, что еще немного – и ее сердце остановится от пережитого потрясения, – если только и в самом деле – привидение...

Арнегунда взвизгнула, и Нантиль бросилась ее утешать.

Милорд Гидеон раскатисто засмеялся, но его не поддержали. Слуги шумно задвигались, кто-то забормотал себе под нос, и даже Дилан выглядел странно притихшим.

– Все, расходитесь по постелям, – приказал дракон и поймал меня за плечо прежде, чем я успела поставить ногу на ступеньку лестницы. – Но с тобой мы еще не договорили. Уверен, у тебя найдется пара цитат...

– Это был крик Мелюзины, милорд, – сказал вдруг мужчина с кухонным ножом.

Вслед за его словами воцарилась тишина, и только потрескивало масло в светильнике Нантиль. Рука дракона на мгновение крепко сдавила мое плечо, и я едва сдержалась, чтобы не охнуть от боли.

– Ну что за бред, – Гидеон обернулся к слугам. – Расходитесь уже! И не болтайте чепухи.

Мужчина выронил нож, торопливо подобрал его и отступил подальше, опуская голову, но упрямо повторил:

– Мы все уверены, что это кричала Мелюзина. Это плохой знак, милорд, очень плохой.

Глава 13. Разделить трапезу с драконом

– Не болтайте ерунды, – дракон насмешливо смотрел на слуг, не отпуская меня, хотя я постаралась улизнуть под шумок. – Наслушались детских сказок?

– Это совсем не сказки, брат, – сказал Дилан, и я с удивлением увидела, что ему страшно – на нем лица не было, и глаза горели... отчаянно.

– Ну конечно, еще и ты начни пугать меня столетними побасенками, – милорд Гидеон начал подниматься по лестнице, подталкивая меня вперед. – Можете устроить тут вечер сказок и легенд, если угодно, – сказал он через плечо, – а я отправляюсь к себе. В постель, – последние слова он прошептал мне на ухо.

Мне стоило огромных усилий, чтобы не броситься бежать. Скорее всего, он только и ждал, что я испугаюсь и совершу какую-нибудь глупость.

Никто не пошел за нами, но едва мы поднялись и свернули к комнатам, внизу раздались приглушенные голоса – слуги обсуждали случившееся. Ингунда резко прикрикнула на кого-то, Арнегунда плаксиво подстанывала.

Я ждала, что дракон заведет меня в свою спальню, но возле самых дверей он меня отпустил.

– Иди спать, – сказал он, и в его голосе были досада и усталость. – И запишись изнутри, мало ли кто здесь орет.

Мне не надо было повторять дважды, и я рванулась к соседней комнате, но взявшись за дверную ручку, остановилась.

– Это кричала женщина, милорд, – сказала я. – Ваши слуги считают, что это кричала Мелюзина. Речь идет о хозяйке этой комнаты? Возможно, она рассержена, что я заняла ее место?

Дракон тоже не торопился заходить к себе. Сейчас он стоял, прислонившись плечом к стене, скрестив на груди руки, и смотрел на меня, словно зная, что я останусь.

– Хозяйка этой комнаты умерла давным-давно, – сказал он. – И с тех пор здесь жили многие, так что не бойся. Покойники никогда не доставляют столько хлопот, сколько живые. Или ты тоже веришь сказкам о призраках?

– Иногда и в сказке можно найти нечто важное...

– По-моему, ты не хочешь уходить, – сказал он вкрадчиво и сделал резкий шаг в мою сторону.

Я оказалась в комнате со змеями быстрее, чем можно было досчитать до трех, и задвинула изнутри металлический засов.

Снаружи послышались постукивание и тихий смех:

– Если передумаешь, моя спальня заперта не будет, – сказал дракон в шелку между косяком и дверью.

Через какое-то время в соседней комнате раздался скрежет – кто-то передвигал по полу кресло. Я перевела дыхание и подошла к столу, на котором стояла свеча и лежали кремень и кресало. Через неплотно прикрытый ставень в окно проникал свет луны, и я передумала зажигать огонь. Развязала верхний платок и принялась распутывать нижний, размышляя о том, что произошло сегодня. Вот и закончился мой первый день в Гранд-Мелюз. Жутко начался и жутко закончился. Расшнуровав корсаж, я сняла платье и осталась в одной рубашке. Можно было снять и ее – в замке было тепло, хотя камин не топили, но я посчитала, что раздеваться донага в моей ситуации было бы неразумно.

Откинув одеяло, я рухнула на перину, но сейчас же вскочила, вспомнив предостережение Нантиль. Все-таки свечу пришлось зажечь и осмотреть подушки, простыни и покрывала.

Вдруг, змея?!. Я ничего не обнаружила и почувствовала себя впечатлительной дурочкой. Но свеча горела, и невозможно было побороть искушение написать хоть пару строчек.

Расстелив пергамент, я продолжила текст, что написала днем:

«Сегодня ночью снова упомянули о даме Мелюзине. Далеко за полночь раздался тоскливый крик, и весь замок переполошился. Один из слуг сказал, что это кричала Мелюзина, и посчитал это дурным знаком. Милорд Гидеон высмеял его, но и ему стало не по себе, хотя он пытался это скрыть. Что касается младшего брата, тот был испуган по-настоящему. Как странно, что люди, которые ни во что ставят гнев небес, боятся тех, кто давно умер, ибо мне сказали, что Мелюзина умерла давно», – выводя эти строки, я невольно прислушалась, но ночь продолжалась тихо, и ничто не нарушало ее спокойствия.

Я записала все события этой ночи и с удовольствием перечитала написанное. Вот теперь сказались усталость и волнение – меня потянуло в сон, и я добралась до кровати, зевая на каждом шагу.

Укрывшись пуховым одеялом, я блаженно вытянулась. Как давно я не спала в такой мягкой и удобной постели... Это несколько примирило меня с замком Гранд-Мелюз и его обитателями, и я уснула сладко и крепко, как никогда не спала в монастыре.

Всего через несколько часов меня разбудил шум в комнате милорда Гидеона. Солнце уже взошло, и на стене лежали солнечные пятна – золотистые, радостные. Но я не стала ими любоваться, а села в постели, сразу подбирая волосы. Если хозяин проснулся, то и мне надо быть готовой. Кто знает, когда ему захочется поразвлечься.

Через стену мне слышен был голос Дилана – тревожный, что-то объясняющий, а потом милорд Гидеон несколько раз повторил: «Вздор! Брось!» – и засмеялся.

Хлопнула дверь драконовой спальни, и я вскочила, поспешно натягивая платье и повязывая платок. Но никто не постучался ко мне, никто не приказал выходить сию же секунду. Подождав около четверти часа, я немного успокоилась. Все же, несмотря ни на что, дракон отпустил меня вчера. Оставалось надеяться, что наложниц ему хватает, и мне будет уготована другая роль.

Почетный цитатник!

Я засмеялась и оборвала смех. Странно было смеяться в пустой комнате. После вчерашних событий я чувствовала неловкость, находясь здесь. Открыв ставень и раму, япустила в комнату солнце и утренний холодок, и сразу стало веселее. Посмотрев вниз, на брусчатку, которой был вымощен двор, я вспомнила слова Нантиль о даме Мелюзине – она выпрыгнула из этого окна и превратилась в дракайну. Но получается, Мелюзина – сама жертва. Почему же тогда всех так напугал ее крик?

Словно в ответ на мои мысли, я увидела Нантиль, которая быстро шла по двору, а следом за ней бежал Самсон, цепляясь лапами за собственные лапы. Щенок вилял хвостом и тоненько лаял, а Нантиль оглядывалась, подзывая его свистом, когда Самсон отставал.

– Доброе утро! – позвала я.

Нантиль подняла голову, вздрогнула и почти бегом пересекла двор, не ответив на приветствие. Я не успела поразмыслить над ее поведением – ведь только вчера мы вполне дружелюбно разговаривали, как кто-то замолотил в дверь.

Сердце мое сразу оборвалось, и я даже не смогла спросить, кто пришел.

После настойчивого стука раздался недовольный голос Фриды:

– Доброго вам утра, госпожа! Открывайте! Я принесла воду для умывания!

– Простите, – пробормотала я, впуская служанку в комнату.

– Долго спите, – сказала она нелюбезно, поставив на стол кувшин с горячей водой и таз.

Я едва успела убрать чернильницу и пергаменты.

– Все уже встали, – продолжала Фрида, направляясь к постели и расправляя одеяло. – В Гранд-Мелюзе встают с восходом солнца.

– Я проснулась давно, просто не знала, позволено ли мне будет выйти из комнаты, – объяснила я и взяла покрывало. – Не утруждайте себя, Фрида, я сама прекрасно умею застилать постель.

– И что не застелили? – она нахмурилась и закончила свою работу аккуратно, разгладив все складки на подушках и одеяле, потом забрала у меня покрывало и набросила его на постель одним ловким, широким жестом. – Приводите себя в порядок, женская уборная на первом этаже, слева, а потом идите в зал, где большой камин. Милорд завтракает там, не опаздывайте. Он не любит ждать.

– Может, мне лучше поесть в своей комнате? – быстро спросила я. – Или в кухне, как вчера?

– Милорд сказал, что вам надо прийти, когда он будет завтракать, – рассерженно отрезала Фрида. – Я вам передала его приказ, а уже вы решаете – подчиняться ему или нет. Но лучше бы вы подчинились, если не хотите неприятностей.

– Спасибо за совет, я так и сделаю, – сказала я кротко, чтобы не рассердить служанку еще больше.

Мой ответ немного смягчил Фриду. Она взглянула на мой платок, который я повязала на монастырский манер, спрятав волосы и шею, и оставив открытым только лицо от подбородка до бровей.

– Милорд предпочитает мясо, но если хотите, я могу подавать вам только овощи и каши, – предложила служанка. – Вам же нельзя мясную пищу...

Она и в самом деле принимала меня за монахиню, и я благодарно улыбнулась ей, взяв за руку и пожав:

– Вы очень добры, но не хочу вас утруждать. Как говорит святой Брендан Путешественник: «Хоть что ешьте, только человек не ешьте». Я прекрасно буду кушать то же, что и все. Это разрешено уставом, чтобы не смущать людей. Ведь где лишние хлопоты – там и смущение.

– А ведь и верно, – пробормотала Фрида, осторожно освобождая свои руки из моих пальцев, – нам было бы хлопотно готовить для вас отдельно.

– Вот и решили.

– Не опоздайте к завтраку, – напомнила Фрида прежде, чем уйти.

К завтраку я не опоздала и явилась раньше милорда Гидеона. Слуги уже поставили на стол холодную вареную говядину, крутые яйца и пышный пудинг, пропитанный мясным соком. Были здесь перепелки, жаренные на вертеле, поджаристый хлеб и сладкий пирог с яблоками. Ах, от таких кушаний у меня заныло сердце! Сколько времени я была лишена подобной пищи!

Никогда бы не подумала, что буду ждать появления дракона с таким нетерпением. И ведь еще не известно, какие у них порядки. Может, женщинам здесь не позволено есть вместе с мужчинами, и я должна буду развлекать милорда Гидеона беседой, пока он соизволит завтракать. Я встала у камина – поближе к стене, но не прижимаясь к ней, рядом с каминной полкой, но не опираясь на нее. Так я не сразу попадусь на глаза, чтобы никого не раздражать, но и не покажу, что мне страшно и я прячусь.

Появились Арнегунда и Нантиль – нарядные, увешанные золотыми украшениями, как и вчера. Я-то, наивная, думала, что это ради приезда милорда и для его гостей, но, похоже, конкубины старались выглядеть блестяще в любое время. Интересно, это для дракона? Или из-за дракона? Он потребовал, чтобы я не одевалась, как нищенка, а потом был удивлен, что я нарядилась монашкой. Может, это его приказ, чтобы женщины и с утра сияли, как солнце?

– Я так дурно спала эту ночь, – жаловалась Арнегунда Нантиль, а та только молча кивала в ответ, выражая сочувствие. – Так волновалась! Ты попросишь, дружочек, чтобы твой отец приготовил успокоительные капли? Еще одна такая бессонная ночь – и я заболею...

Нантиль немедленно кивнула. Она заметила меня у камина и сразу отвела глаза. Что ж, наверняка, есть для этого причины – решила я философски. Конкубины не сели за стол, а

встали в стороне, приготовившись ждать, как и я. Арнегунда даже не посмотрела в мою сторону, будто меня и не существовало, и продолжала стенать о бессоннице. Но вторая конкубина тут же примолкла, когда послышались шаги и голос милорда Гидеона.

Дракон вошел в зал в сопровождении брата и Ингунды, которая семенила рядом с мужчинами, пытаясь приноровиться под их широкие шаги, и обеспокоенно заглядывала в лицо Гидеону. Делала она это очень участливо – почти прижимаясь к нему и поглаживая по плечу. Когда она напирала уж очень сильно, дракон отстранял ее, но она снова приникала к нему, касаясь пышной грудью.

– ...не стоит внимания, – продолжал начатую фразу дракон. – Вы утомили меня, больше слышать об этом не хочу.

Он в последний раз отодвинул Ингунду и с размаху сел в кресло во главе стола.

– Садитесь, – разрешил он, и младший дракон вместе с конкубинами заняли места.

Дилан сидел по левую руку от брата, Ингунда по правую. Рядом с Ингундой устроилась Арнегунда, а еще дальше – Нантиль.

Милорд Гидеон преломил хлеб, и это послужило сигналом к началу трапезы.

– И все же, милорд, нельзя быть таким безрассудным... – начала Ингунда, и было видно, что она уже давно о чем-то уговаривает дракона.

– Ты замолчишь? – спросил он, разрывая перепелку и обмакивая половинку тушки в соус. – Как же мне надоел ваш вой.

– Она права, – сказал Дилан, хмурясь.

– Тогда пригласи священника, – хохотнул дракон, зажевывая перепелиную ножку. – Окропим тут все святой водой, помолимся – и готово! Кстати, – он поднял голову, подзывая кого-то из слуг, – а где девчонка? Ей сказали, что надо придти?

– Э-э... – проблеял слуга, к которому он обратился.

– Она за вашей спиной, милорд, – ответила Ингунда недовольно. – Спряталась в углу, как мышь.

Дракон обернулся, выглядывая меня.

– Ты не голодна разве? – спросил он и указал на место рядом с Диланом. – Садись.

– Милорд, – попыталась возразить Ингунда, – будет ли это приличным...

– А что тут неприличного? – спросил он, забирая говядины и вареных яиц. – Ты же здесь сидишь и находишь это приличным?

Старшая конкубина только кивнула, опуская глаза в чашку. Ела она мало и очень опрятно, постоянно промокая губы платочком. Я постаралась не слишком поспешно сесть за стол, чтобы не вызвать нового недовольства. Дилан демонстративно подвинул свое кресло подальше, но меня сейчас заботило вовсе не это. Я взяла ломтик говядины, хлеба и чуть полила их соусом, хотя страшно хотелось попробовать все и сразу.

Мясо было удивительно вкусным – мягким, вываренным с травами, а соус был терпкий, и острый, и ароматный. Я и не заметила, как расправилась с этой порцией, а потом посмотрела исподлобья, раздумывая, могу ли взять еще. Перепелки манили золотистой корочкой и запахом розмарина с фенхелем. Обложенные кусочками вареных овощей, они словно сидели в гнездышке, поджидая, когда их съедят.

– Попробуй перепелок, – сказал дракон – наверное, проследил мой голодный взгляд. – Попробуй, они сама нежность. Совсем, как ты. Да, Виенн?

Он опять смеялся, хотя никто из сидевших за столом не поддержал его шутки. Лично мне все это смешным не показалась. Это было оскорбление. Намек на нечто, чего совсем не было, но другие подозревали. Лицо Ингунды окаменело, Арнегунда обижено поджала губы, Нантиль еще ниже склонилась над тарелкой.

Мне тоже следовало опустить глаза и сделать вид, что скабрзные слова пролетели мимо, не задев. Но эти перепелки...

О, эти перепелки!

Никогда еще я не испытывала такого искушения. Гордость моя боролась с крохотными птичками, и никогда еще не была так близка к поражению.

Я бросила короткий взгляд в сторону дракона. Он опустил нож, которым собирался разрезать говядину, и наблюдал за мной с веселым интересом. Он ждал моего ответа, но первой заговорила Ингунда:

– В монастырях теперь живут по другому уставу? – холодно осведомилась она. – Монахиням теперь разрешают вкушать мясо?

– По этому поводу в Писании, наверняка, есть подходящая строчка, – подхватил дракон. – Ну-ка, сестра Виенн, просветите нас этим чудесным утром, – и он вскинул указательный палец, паясничая и передразнивая мать-настоятельницу.

– Сказано, что перепелки прилетели к нам по велению небес, в утешение, – сказала я, глядя прямо перед собой, но чувствуя взгляд дракона, как муху, ползающую по щеке. – Для пропитания и поддержания сил. Об этом написано в «Премудростях» пророка Шломо, глава пятнадцатая, стих двадцатый. А то, что послано небесами в утешение, глупо отвергать. Но все же я откажусь от перепелок, милорд. Если они так же нежны, как и я, то я не притронусь к ним. Ведь не в правилах людей есть себе подобных. Лучше возьму еще мяса, – я подцепила ломтик говядины с общего блюда, – и полью его соусом. Он так похож вас...

– На меня? Чем же? – живо спросил дракон.

– Такой же острый, почти огнедышащий, – ответила я. – И, попробовав его, невозможно не поморщиться.

– Ты меня не пробовала, – тут же парировал он. – Откуда знаешь, что не понравлюсь?

– Так и вы меня не пробовали, милорд, – я чуть повернула голову и наклонилась, чтобы через Дилана посмотреть дракону в глаза. – Но верно угадали про мою нежность. Почему же другим отказываете в умении угадывать внутреннюю сущность без пробы?

В следующую секунду Дилан ударил левой рукой по столу передо мной – со всего размаха, ладонью. Он попал по краю чашки, чашка встала на ребро, и мясо, политое соусом, шлепнулось мне на грудь, а потом упало на колени. Несколько капель соуса брызнули в лицо.

Испугалась не я одна – Арнегунда и Нантиль вскрикнули. Только Ингунда продолжала хранить ледяную невозмутимость.

Слуги замерли, и я тоже боялась пошевелиться, ожидая, что следующим ударом Дилан свернет мне шею. Но он больше не нападал и сел очень прямо, положив руки на столешницу. Немного выждав, я взяла салфетку и вытерла лицо. Очень хотелось демонстративно сбросить еду на пол, но я не стала поступать так гневно и опрометчиво – вернула мясо и хлеб в чашку, и подняла с пола упавшую вилку.

– Это переходит все границы, – сказала Ингунда.

Но если я думала, что она решила вступить за меня, то ошиблась.

– Эта девчонка сразу показалась мне подозрительной и опасной, – продолжала старшая конкубина, обращаясь к милорду Гидеону. – Как злобно она настроена против вас, милорд! Ее вчерашнее поведение на пиру, при гостях... а сейчас еще и это... Я возмущена, и требую наказания.

Арнегунда поспешила поддержать сестру, закивав, как деревянный болванчик. Нантиль молчала, Дилан сжимал и разжимал кулаки, но тоже ничего не говорил.

Дракон вдруг швырнул нож на стол с такой силой, что перевернул бокал с вином. Красная лужица растеклась – темная, густая, с маслянистым блеском. Ужасно похожая на кровь. Мы все вздрогнули и застыли, ожидая бури. Я прекрасно осознавала, что послужила причиной этой бури, и не сомневалась, что сейчас меня ждет участь соломинки, попавшей в самый центр урагана.

– Как вы мне надоели, – сказал Гидеон угрюмо, словно только что не сыпал двусмысленными шутками и не смотрел весело. – В кои-то веки я нашел себе развлечение, а вы опять нагоняете скуку. Дилан, братик, – он быстро и гибко схватил брата за шею и притянул к себе, сблизив головы, – ты хочешь, чтобы мой цитатник заикался от страха? Если еще раз испугаешь ее, – в его голосе послышались угрожающие шипящие нотки, и я в страхе посмотрела на дракона – мне показалось, еще немного, и между губ мелькнет раздвоенный змеиный язык, – еще раз – и я откушу тебе ухо. Сначала одно, а потом другое.

Дракон отпустил брата, и тот торопливо отстранился, едва не толкнув меня плечом.

– Но, милорд, – начала Ингунда, багровея, – здесь нет вины вашего брата, это все дерзкая девчонка...

– У тебя тоже лишние уши? – спросил Гидеон негромко, подавшись к ней.

– А-а... – Ингунда замолчала на полуслове.

– Говорю в первый и последний раз, – дракон встал и оперся о стол ладонями, по очереди обводя нас взглядом. – Никто больше не смеет затыкать ей рот. Мне угодно, чтобы она говорила. Меня это развлекает. А благодаря вам у меня не так много развлечений в жизни. Тем более уважьте приказ своего господина, что вы все уверены в моей скорой смерти. Считайте это моим последним желанием, – он пнул кресло, сдвигая его, и покинул зал, шагая широко и крепко.

Дилан, запоздало опомнился, и бросился следом за братом.

Ингунда со стуком положила вилку, которую держала до этого.

Кто-то тронул меня за плечо – это была Фрида. Она поднесла полотенце, чтобы я вытерла соус с платья.

– Пойдемте, госпожа, – сказала она, не глядя на меня и держась отстраненно, как и полагается хорошо вышколенной служанке. – Вам надо переодеться.

Я пошла за ней, не оглядываясь, и спиной чувствовала, что конкубины и слуги буравят меня взглядами.

Глава 14. Подарок, прихоть и свобода

– Вы опять взяли коричневое, – Фрида укоризненно покачала головой, когда увидела меня в новом платье. – Милорд будет недоволен.

– Но оно мне нравится, – сказала я просто и ничуть не солгала – это платье и в самом деле мне нравилось, как устрице нравится ее раковина.

– Мало ли что вам нравится, – фыркнула служанка. – Милорду нравится, чтобы вокруг него были красивые и нарядные женщины. Он прислал вам это, – она со стуком поставила деревянную шкатулку, которую принесла, прямо на чистые пергаменты. – Сказал, что желает, чтобы вы применили это по назначению.

Сердце мое словно ухнуло с невероятной высоты. Подарок!.. Нантиль сказала, что дракон дарит подарки, когда теряет интерес. Это значит... интереса ко мне уже нет? И это... хорошо или плохо?..

Я смотрела на шкатулку почти со страхом. Она была сделана из черного дерева и закрывалась крохотным замочком, крепившимся к медному ушку. Фрида потопталась на месте, дожидаясь, пока я открою шкатулку, а потом поторопила:

– Ну что же вы застыли? Посмотрите. Милорд сказал, чтобы я передала ему, понравится ли вам.

– Что это? – спросила я, не прикасаясь к темной резной крышке.

– Как с вами сложно, – проворчала Фрида и сама открыла замочек, и откинула крышку. Наверное, обнаружь я внутри парочку ядовитых змей, я бы так не удивилась!

В крышку шкатулки изнутри было вставлено зеркало, а сама шкатулка была разделена деревянными перегородками, и между ними лежали коробочки, деревянные и стеклянные бутылочки, фарфоровые чашечки, костяные плоские стеки и множество других приспособлений, назначение которых известно лишь женщинам. Я осторожно взяла деревянный высокий флакончик, заткнутый хитрой пробкой с длинным штырьком посередине. Поверхность флакона покрывала искусная резьба. Это была кохлия – сосуд для сурьмы, краски, которой подводили глаза. У моей матери был такой же сосудец – размером не больше ладони, но не такой тонкой работы. Я вертела изящную вещицу, уже полюбив ее всем сердцем.

– Вам понравилось? – деловито осведомилась Фрида, которой надоело мое молчание.

Не ответив, я достала из шкатулки фарфоровую пудреницу, где обнаружилась самая шелковистая и тонкая рисовая пудра, какую только можно было представить. Потом я достала бутылочку розового масла, благоуханье которого тут же заполнило всю комнату, а еще здесь были лебяжья пуховка, порошки кармина и малахита, крохотные щеточки из кости и свиной щетины. Все очень красивое, невысказанно изящное и... баснословно дорогое.

– Передайте милорду благодарность за такой подарок, – сказала я голосом, которого сама не узнала, – но я не могу его принять.

– Почему это? – изумилась Фрида.

– Все это – очень дорогие вещицы, – объяснила я простоватой служанке. – Один флакончик розового масла стоит около ста золотых. Это королевский подарок.

– Сто золотых?! – изумилась она, раскрывая рот.

– Отнесите обратно, пожалуйста, – сказала я, складывая пудреницу и кохлию в шкатулку и закрывая крышку, словно захлопывая собственное сердце.

– Милорд рассердится, – мрачно предрекла Фрида.

– Это уже как ему будет угодно, – я отвернулась, чтобы не видеть, как служанка забирает заветный ящичек.

Нет, принимать его – неразумно. Если это не подарок, чтобы отделаться, то подарок, чтобы купить. Чтобы заставить меня чувствовать себя обязанной. Когда дверь хлопнула, я

стиснула зубы и усиленно заморгала, прогоняя слезы. Какая я глупая, если считала, что перепелки – самое сильное искушение. Вот оно – самое сильное искушение. Немыслимое, сводящее с ума. Чего бы я не пожалела за эти прекрасные вещички?

Вздыхнув, я села за стол и придвинула чернильницу, чтобы описать события, имевшие место за завтраком. Не успела я перейти к странным словам милорда Гидеона о том, что ему грозит скорая смерть, как дверь открылась от мощного пинка, и в комнату ворвался сам герой моих записей – дракон собственной персоной.

Он явно был не в настроении – черные волосы взъерошены и торчат непослушными прядями, черные глаза горят, и взгляд их страшен, как будто налетел ураган грозовой ночью. Дракон держал ту самую шкатулку из черного дерева и, кажется, едва сдерживался, чтобы не швырнуть ею в меня.

Я уронила перо, позабыв встать и поклониться. А он пересек комнату и с размаху грохнул шкатулкой о стол – как припечатал мои записи, которые я только что выводила старательно и любовно.

– Когда я говорю, что надо взять и пользоваться, – сказал дракон вкрадчиво, – это значит – взять и пользоваться. Почему не взяла?

– Милорд, – сказала я чинно, стараясь на него не смотреть, – это слишком ценный подарок, я не могу его принять.

– С чего ты решила, что это – подарок? – дракон наклонился, пытаясь заглянуть мне в лицо, и я невольно отстранилась, вжавшись в спинку кресла. – Это – необходимость. Я хочу видеть тебя такой, как видел в монастыре. К чему делать из себя чучело? И почему ты не надела другое платье?

– Я уже говорила милорду...

– Пустые отговорки! – почти рыкнул он, заставив меня вздрогнуть, но тут же сбавил тон. – Не бойся, никто не посмеет тронуть тебя в этом замке.

– Тогда позвольте убедиться в этом? – произнесла я тихо, все еще не осмеливаясь поднять глаза. – Позвольте мне одеваться по своему выбору, и если я буду уверена в ваших добрых намерениях, и в намерениях ваших людей, то через некоторое время согласна надеть более привычную для вашего взора одежду.

– Ты мне условия ставить взялась? – хмыкнул он.

Я заставила себя поднять голову. Глаза у него были такими темными, что радужка почти сливалась со зрачком. Сейчас дракон не пылал злобой и раздражением, и даже почти улыбался, но во взгляде нет-нет да проскакивало что-то дикое, звериное... Словно чудовище, скрывавшееся в его сердце, на короткий миг выглядывало из человеческой оболочки, желая посмотреть на меня.

– Как я могу ставить вам условия? – спросила я, постаравшись пожать плечами, хотя все мое тело было сковано страхом. – Всего лишь прошу. Вы примите мою просьбу?

Он отошел от стола, задумчиво потер подбородок, а потом сел на кровать, широко расставив ноги в высоких охотничьих сапогах и повернувшись лицом ко мне.

– Хорошо, – сказал он, хлопнув себя по коленям, – разрешаю тебе одеваться, как хочешь. Пока. Пока я еще согласен потерпеть твою серую унылость.

– Коричневую, – поправила я его, страшно обрадовавшись, что победила в этой маленькой схватке, и пытаясь не слишком выдать радость.

– Без разницы, – от отмахнулся. – Но взамен ты принимаешь этот ящик, – он показал пальцем на шкатулку.

– Не вижу в этом необходимости, милорд...

– А я вижу, – заверил он меня и вдруг улегся на постели, оперевшись на локти. – Приступай, хочу посмотреть, как ты это делаешь.

– Простите?! – я вскочила из кресла, разом позабыв про страх. Гнев, негодование, смущение – не знаю, что сильнее охватило меня в этот момент.

– Что пепеполошилась? – дракон выглядел очень довольным. – Хочу посмотреть, как ты красишь глаза.

– Но в этом нет ничего интересного...

– Крась, – бросил он коротко, и я опустилась в кресло, ощутив дрожь в коленях. Ему нравилось говорить двусмысленности, чтобы выводить меня из себя. И в этой борьбе с ним я еще не преуспела. Щеки мои пылали, и я понимала, что попалась на уловку дракона, как доверчивая овечка. Он только что говорил, что я кажусь ему серой унылостью, а я тут же насочиняла себе невесть чего.

– Не тяни время, сестра Виенн, – подначил меня дракон.

Шкатулка так и манила резной крышкой, от нее пахло темным деревом и розовым маслом, но я медлила ее открывать.

– Вы... – я собралась с духом, чтобы задать мучивший меня вопрос, – вы... забрали эту шкатулку у кого-то из ваших... женщин? – произнести «конкубин» или «наложниц» я так и не смогла.

– Нет, не забрал, будь спокойна. Купил сегодня в городской лавке.

– И это – не подарок, – уточнила я, – а всего лишь ваша прихоть. Так?

– Все верно.

– И он меня ни к чему не обязывает.

– Нет, – тут он улыбнулся открыто и сразу добавил: – хотя мысль заманчивая...

– Тогда я согласна воспользоваться этим, чтобы удовлетворить вашу прихоть, – торопливо сказала я и открыла крышку, пока в драконьей голове не зароились «заманчивые» мысли.

– Что ж, попробуй, удовлетвори, – пробормотал он.

Я постаралась представить, что сижу в своей комнате, в замке отца, и всего-то привожу себя в порядок, проснувшись поутру. И что на самом деле на постели нет никакого мужчины, который развалился в бесстыдной позе и бесцеремонно меня разглядывает.

Несколько капель розового масла на фарфоровое блюдо – и в комнате запахло распустившимися цветами и летом. Чуть-чуть порошка сурьмы, порошка малахита – и размешать...

Действовать тоненьким деревянным кайалом, отшлифованным до каменной гладкости, было гораздо удобнее, чем самодельно заточенной палочкой. Я испытывала самое настоящее наслаждение, возвращаясь к привычному для меня ритуалу. Подкрасив глаза, я с удовольствием рассматривала свое отражение в зеркале. Теперь монашка Виенн и в самом деле напоминает благородную девицу Вивьенн Дамартен.

– Это красиво, – сказал дракон, и я мгновенно вспомнила о его присутствии – вот он, никуда не делся.

– Да, так глаза кажутся больше и выразительней, – сказала я небрежно, закрывая шкатулку.

– Я не об этом. Ты так красиво это делала, – дракон поводил рукой перед своим лицом, повторяя мои движения, – как будто танцевала. Церковь запрещает благородным женщинам пользоваться краской, это грех соблазнения – так они говорят, почему тебе разрешили краситься в монастыре?

– Наверное, потому что я делала это не ради соблазнения, – мне стало смешно и оттого легко, и я почти забыла о животном страхе перед драконом. Воспоминания о прошлом затронули сердце, согрели душу и... развязали язык. – Моя мать была из северян, – позволила я себе немного откровения, – у них принято подводить глаза жирной черной краской, чтобы уберечь веки от обморожения, и чтобы солнце, отражаясь от снега, не так слепило. Когда мама вышла замуж, то очень страдала от жары и яркого солнечного света – во много раз ярче, чем любой зимой в ее краях. И она красила глаза, отец не запрещал ей. Наоборот, привозил самую

дорогую сурьму с востока. Ведь она еще и целебная. У меня было немного сурьмы с собой, когда я пришла в монастырь, а у матери-настоятельницы как раз случилось воспаление глаз. Я убедилась ее подкрашивать веки каждый день – и воспаление прошло. Поэтому она и разрешила мне подводить глаза – я ведь такая же светлокожая, как северяне. Правда, она не видела разницы между сурьмой и сажей, – тут я не сдержалась и хихикнула. – И считала их одинаково целебными.

– Что мне нравится в матери Беатрисе, – сказал дракон, внимательно выслушав мой рассказ, – она никогда не загоняла себя в рамки тупого соблюдения традиций. Во время войны мой отряд попал в засаду, и нам пришлось отступить – девять моих людей были сильно изранены. Я думал, не смогу спасти их. По пути попался монастырь. Женский! – дракон хохотнул. – Я не особенно надеялся на помощь, но мать-настоятельница впустила всех и разрешила остаться, хотя устав строго-настрого запрещал мужчинам числом больше трех ночевать в монастыре. Она отличная старуха, мне никогда не было скучно с ней разговаривать.

– Тогда, может вам стоило забрать из монастыря ее? – не удержалась я от колкости. – Ко всем своим достоинствам, мать-настоятельница еще и умеет обращаться с деньгами. Как ловко она выторговала у вас за меня пятьсот монет!

– Все не можешь простить? – дракон перевернулся на бок и подпер голову рукой. – А ведь ты ей и правда была очень дорога, малютка Виенн. Как она плакала, умоляя, чтобы я хорошо к тебе относился!

– Просто сама доброта, – произнесла я сквозь зубы.

– Но согласись, что она оказала тебе добрую услугу, освободив от монастыря, – не сдавался дракон. – Что бы ждало тебя там, Виенн? Однообразие, скука, ежедневные молитвы – меня уже передергивает, едва представлю, – он картинно передернул плечами. – С такими глазами нелегко примерить монашеский куколь, верно?

Он был так уверен, что облагодетельствовал меня, что просто сиял. За окном раздалось радостное щенячье повизгивание – наверное, Нантиль выгуливала Самсона. Я передвинула в сторону шкатулку, поставила локти на столешницу и медленно произнесла:

– А вы уверены, милорд, что я и в самом деле тяготилась монастырской жизнью? Разочарую вас. Мне там нравилось. Я хотела остаться в монастыре до самой смерти. Но вы, своим вмешательством, лишили меня всего и сразу. Неужели вы не понимаете, что всякая разумная женщина предпочтет монастырь жизни в миру? Потому что она выберет свободу.

Глава 15. Легенда о Мелюзине

Черные глаза дракона на секунду утратили насмешливость.

– Свобода в монастыре? Это заба-авно, – протянул он. – Впервые слышу подобную ересь. Сестра Виенн, ты ведь говоришь это, чтобы меня уязвить?

– Вы слишком подозрительны в отношении меня, – я постаралась как можно небрежнее перевернуть пергаментный лист, на котором был запечатлен во всех подробностях завтрак в обществе драконов. – Я сказала чистую правду. Но судя по выражению вашего лица, вы даже не задумывались, что женщина может мечтать о чем-то.

– О свободе? – уточнил он.

– О ней, – подтвердила я.

Он пару раз хмыкнул, покрутил головой и сказал:

– Но причем тут монастырь и свобода? Хоть убей, не понимаю, как эти двое могут сожительствовать и не драться?

Меня покорило его пренебрежительное высказывание, и даже не знаю, что задело больше – касательство святости или женской свободы.

– Если бы не я, ты бы сидела взаперти, – рассуждал дракон, – спрашивала бы разрешения на каждый чих у своей наставницы, и единственным твоим развлечением были бы сплетни о сестрах и возня с цветочками в монастырском саду.

– Да что вы? А еще – чтение книг в монастырской библиотеке.

– Кому интересна эта замшелая мертвая писанина?

– Мертвая? Похоже, вы не знаете, что такое книга. Это дорога во времени.

– Вот как?! – деланно изумился он.

– Читая книги, я общалась с мудрейшими людьми прошлого, – теперь я говорила горячо, веско, потому что мне очень хотелось донести до темного драконьего сознания, свою правоту. Объяснить, насколько он ограничен в своем понимании свободы. – Их уже давно нет, но я беседовала с ними так же, как с вами. И узнала из этих бесед больше, чем от вас!

– Что толку от твоих знаний, если ты заперта? – спросил он.

– А разве здесь я свободна? – я не утерпела и вскочила, раскинув руки. – Скажите честно, милорд, кому-нибудь из своих жен вы позволите написать письмо господину бен Моше, который служит при дворе короля Альфонсо?

– Мужчине? Да еще из этого нищего племени джудиосов, судя по имени? Какая в том необходимость? – дракон отбросил показную лень и резко сел, оперевшись локтями о колени.

– Разрешили бы? – настаивала я.

– Нет! – отрезал он.

– А я написала ему письмо, и получила ответ, и никто меня в этом не упрекнул! – сказала я с торжеством.

– Ты писала джудиосу? О чем, позволю спросить?

– Я просила его уточнить, что он имел в виду, говоря об ошибочности Толедских таблиц, а он мне ответил, что по его убеждению, год равен трехстам шестидесяти пяти дням, и это разбивает все расчеты магистра Арзахеля.

– Толедские таблицы?

– Похоже, вы впервые слышали о них.

– И магистр Арзахель?

– О да! А сам бен Моша является личным врачом короля Альфонсо и интересуется астрономией. И король не считает джудиосов нищebroдами, не стоящими внимания. Наоборот, он очень высоко ценит их знания и даже доверил одному из них свою жизнь.

– Не понимаю, к чему это ты, – дракон тоже вскочил и встал по ту сторону стола. – Зачем спрашивала у лекаря про Толедские таблицы? Решила стать мореходом? Для этого изучаешь астрономию?

– Очень смешно! – я засмеялась саркастично. – Кто же в нашем мире позволит женщине отправиться в плавание по собственному желанию? Тем более стать мореходом! Но никто не запрещал мне в монастыре изучать звезды. А звезды равно светят всем, к вашему сведению – и гордым мужчинам, и женщинам, и даже нищим. В монастыре я могла заниматься тем, что мне интересно, и не зависеть от воли мужчин.

– Можно подумать, я запретил бы тебе смотреть на звезды, – взгляд у дракона потемнел. – Я не запрещаю своим женщинам заниматься тем, что им интересно. Нантиль любит охоту – и я не запрещаю ей участвовать в гоне.

– Да она даже собаку не может назвать по своему желанию! – не сдержалась я. – И после этого вы говорите мне о свободе у вас в замке? Самая страшная участь для женщины, уже вкушившей свободу – снова оказаться в тюрьме. Да еще в такой, которая продлится до самой смерти!

– Это ты про что? – потребовал дракон.

– Про замужество, – объяснила я. – Если вы не поняли. Смотрю на ваших... женщин, и просто поражаюсь их свободе. Две родные сестры, запуганная дочь вашего слуги – они все, несомненно, наслаждаются свободой!

– Они всем довольны.

– Это они вам сказали? – невинно поинтересовалась я.

– По-моему, ты хочешь поссориться со мной, – сказал он, и от него так и повеяло опасностью, и страстью дикого зверя.

– Нет, – я тут же остыла. – Не настолько я безумна, чтобы ссориться с вами. И раз уж выдался момент, хочу поблагодарить за то, что вступились за меня утром. Но почему вы сказали о своей скорой смерти? Это одна из ваших шуток? И причем тут крик Мелюзины? – я умышленно перевела тему, и оказалась права.

Упоминание о прародительнице подействовало на дракона точно так же, как на меня – его близость. Он тут же передумал гневаться и отступил от стола. Неужели, испугался?..

Пройдясь по комнате туда-сюда, милорд Гидеон остановился возле окна, задумчиво постукав пальцами по открытой раме.

– Все это – бабьи сплетни, ничего больше. Не обращай внимания. Как делаю я.

– Невозможно не замечать того, во что верят все, – возразила я. – Как связаны дама Мелюзина и ваша смерть? Или это такая страшная тайна, которую можно знать всем кроме меня?

Дракон досадливо поморщился:

– Это не тайна. Просто легенда, которую придумали про Мелюзину, как многие другие. Пустая болтовня, ничего больше.

– Тогда, может, расскажете? Чтобы я вместе с вами посмеялась над пустой болтовней?

– Да, посмеялась, – пробормотал он.

Давая ему время собраться с мыслями, я собрала пергаменты и сложила их в папку, крепко завязав вязки на ней, и пообещав себе никогда не записывать ничего открыто. Для откровенных записей есть вечер. Так я не буду застигнута наедине со своими мыслями.

– Ты спрашивала, почему у этого замка нет одной башни, – заговорил дракон, и я обратилась в слух. – Согласно преданию, Гранд-Мелюз был построен Мелюзиной при помощи колдовства. Мелюзина считалась весьма искусной колдуньей, о ее проделках до сих пор рассказывают немало сказок вилланы и менестрели. Но колдовство – странная штука, оно дает огромную власть, но всегда привносит какой-то изъян. Так было и с Мелюзиной – в мостах, что она строила, не хватало одного камня, а замок получился без башни. И даже в семейной жизни

оказался изъян – Мелюзина скрывала от милорда Раймонда, мужа, что по сути своей была драконом. Каждую субботу она превращалась в крылатую змею, чешуйчатую, с хвостом. Если было полнолуние – становилась змеей вся, а в обыкновенную ночь – оставалась от макушки до пояса женщиной, а ниже становилась змеей. Когда муж узнал об этом, у них уже были дети, старшие обзавелись семьями, младшие еще лежали в колыбели. Муж назвал Мелюзину «проклятой змеей», и она больше не могла оставаться с ним. Она выпрыгнула из этого окна и трижды облетела замок, крича так тоскливо, что с тех пор любой страшный вопль в наших краях называют «криком Мелюзины». По легенде, когда хозяину замка, потомку Мелюзины, предстоит умереть, она прилетает и кричит так же тоскливо и горестно, как в тот день, когда муж прогнал ее. Естественно, что теперь все обеспокоены за меня. Если кричала Мелюзина – жить мне осталось всего ничего.

Я помолчала, обдумывая все, что услышала, а потом сказала:

– Но сами вы в это не верите, милорд.

– Конечно, не верю, – усмехнулся дракон. – Я похож на дурака, который верит в сказки? К тому же, со времен моего дедушки я не помню, чтобы Мелюзина хоть раз кричала над замком. А ведь и мой дедушка, и мой папаша умерли в этих стенах, – и добавил после короткой паузы. – Ты веришь, что это Мелюзина кричала прошлой ночью?

– Нет, не верю, – сказала я задумчиво, потому что его рассказ произвел на меня впечатление. – Я думаю, тот крик издало живое существо. Мне казалось, кому-то было очень больно и плохо, но в то же время я услышала в крике не печаль, а ярость. Если бы Мелюзина оплакивала вашу кончину, вряд ли она вопила бы от ярости.

– Поэтому забудем и не станем больше вспоминать этот бред, – дракон бесстрашно уселся на подоконник, спиной во двор. – Но если ты сейчас проявишь достаточно ловкости и толкнешь меня – я свалюсь и сломаю себе шею. А ты сможешь клятвенно подтвердить, что все дело в крике Мелюзины.

– Вы прекрасно знаете, что я никогда не сделаю ничего подобного, – возмутилась я. – Но, по моему мнению, вы слишком легкомысленны. Разве вам не интересно узнать, кому так плохо в вашем замке?

– Я бы подумал о тебе, – он показал в улыбке зубы, – но ты была со мной, так что – пальцем в небо.

– А саму историю Мелюзины вы считаете правдивой? – спросила я.

– Ты что-то заволновалась, – дракон спрыгнул с подоконника и подошел ко мне почти вплотную. – Я считаю, что как во всякой легенде, в ней есть что-то от правды, но еще больше – от вымысла. Люди любят приукрашивать действительность выдумками. Разве не так?

– Неужели ваш предок мог прогнать свою жену после многих лет супружеской жизни, только узнав, что она – дракайна по крови?

– А, ты пожалела бедную женщину! Доброе сердечко! – Гидеон, посмеиваясь, хотел погладить меня по щеке, но я отстранилась. – Вот мы и подошли к главному в легенде о Мелюзине. Как, по-твоему, она стала драконом?

Я пожала плечами. Разве можно стать драконом? Драконов создали небеса... Вот только зачем было создавать подобных чудовищ?..

– Изначально, Мелюзина была человеческой дочерью, – продолжал рассказ Гидеон, не спеша отходить от меня.

Его близость пугала и подавляла, но мне так хотелось узнать все об основательнице замка, что я не стала показывать неприязни. Уставившись на серебряную пуговицу драконьего камзола, я слушала, жадно впитывая каждое слово.

– Так получилось, что мать Мелюзины тоже была изгнана своим мужем. Она забрала трех дочерей и укрылась у своей родни. Когда Мелюзина подросла и узнала правду, ее отец

был уже счастливо женат во второй раз и обзавелся кучей наследников. Мелюзина убила его, отомстив за мать.

– Убила отца? – спросила я тихо.

– А мать, узнав об этом, прокляла ее. И с тех пор моя прародительница обзавелась чешуйчатым хвостом и парой крыльев в придачу. Очаровательная история. Да, Виенн?

– Страшная, – выдохнула я. – Вы уверены, что это правда?

– Не знаю, насчет всего остального, но то, что Мелюзина была драконом – верно, как на духу, – заверил меня Гидеон. – Потому что благодаря ее крови я тоже каждую субботу превращаюсь в крылатую змеюку. Хочешь как-нибудь посмотреть?

Я подняла на него глаза и не смогла сдержать ужаса и омерзения.

– Именно это подумал милорд Раймонд, когда узнал правду о своей жене, – сказал дракон, но на сей раз ухмылка у него получилась кривоватой. – Через полчаса спускайся во двор, придут просители, я хочу, чтобы ты была со мной.

Он вышел из комнаты, а я торопливо достала чистый пергамент, чтобы записать поскорее все, что только что узнала.

Глава 16. За плечом дракона

Вниз я сбежала пораньше, чтобы не рассердить дракона опозданием, и чуть не столкнулась на выходе с Диланом, которому как раз вздумалось подняться.

– Смотри, куда летишь, – сказал он, брезгливо отряхивая камзол в том месте, где наши одежды соприкоснулись.

Я поспешно отступила и поклонилась, пробормотав извинения. Я надеялась, что младший дракон сейчас же уйдет, но он как будто передумал.

– Куда это ты так мчалась, позволь спросить? – поинтересовался он развязно.

– Милорд приказал быть рядом, когда станет принимать просителей, – быстро ответила я. – Позвольте идти, вы же знаете, он не любит ждать.

– Он еще не спустился, так что не опоздаешь, – со смешком заверил меня Дилан. – Итак, мой брат завел себе новую игрушку и теперь никто не смеет тебя ни в чем упрекнуть?

Я посчитала нужным промолчать, чтобы не разозлить младшего дракона еще больше, а он был зол – и глаза горели, и губы кривились, и каждое слово так и источало яд.

– Но что же будет с тобой, когда моего брата не станет? – Дилан призадумался, нарочито грустно покачав головой. – Считаешь, что спряталась за ним, и никто тебя не достанет? Все слышали, как кричала Мелюзина, и только мой брат прячет голову под крыло, как глупый петух, и не хочет видеть опасности. Или... – тут он цепко посмотрел на меня, – это ты убедила его, что крик Мелюзины – язычество, и верить ему грех?

– Уверяю вас, – сказала я спокойно, хотя в душе моей спокойствия не было ни на горошину, – ваш брат достаточно разумен, чтобы не верить приметам и предрассудкам. Это кричала не Мелюзина, господин, это кричала простая смертная женщина.

– Ты еще и провидица? – фыркнул Дилан, почти повторив слова своего старшего брата. – Досто-ойное приобретение, признаю. За пятьсот золотых Ги купил библиотеку, да еще и отряд шаманов-предсказателей. Что ты еще предскажешь? Дождь на завтра?

Наверху послышались шаги, и Дилан с проклятьем скрылся – только плащ метнулся волной. По лестнице и в самом деле спускался милорд Гидеон. Увидев меня, стоящую у стены, он остался доволен, хотя ничего не сказал. Я заметила, как обозначились смешливые морщинки в уголках его глаз, и он кивнул мне. Я пропустила его вперед и пошла следом, гадая, для чего мне присутствовать во время приема прошений. Дракон решил поразить просителей цитатами из Писания?

Во дворе, в тени стены, было установлено кресло, в котором сразу расположился дракон и велел мне встать за его правым плечом.

– Ты же как-то цитировала Правду короля Рихарда? – спросил он, чуть повернув голову в мою сторону. – Много помнишь наизусть?

– Почти все, милорд, – ответила я без ложной скромности, начиная догадываться, для чего я здесь.

– Суммы штрафов помнишь? – последовал новый вопрос.

– Помню, милорд.

– Сколько штраф за кражу молочного теленка?

– Три солида, милорд.

– Проверь, – приказал дракон тощему писарю, который расположился за переносным столиком и раскладывал письменные принадлежности. Возле столика грудой лежали свитки, и писарь довольно долго копался в них, выбирая нужный, потом развернул, проследив пальцем строки и старательно шевеля губами – читал про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.